

попаданец

Тимур Максютов
КНЯЗЬ
ИЗ ДЕСАНТУРЫ

Попаданец (АСТ)

Тимур МаксютОВ
Князь из десантуры

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Максютов Т. Я.

Князь из десантуры / Т. Я. Максютов — «АСТ»,
2016 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-097418-4

Всё было не так. Учебники истории врут. Бог давно устал от проекта «Человечество». Да, оно уже погибало – в Древней Индии. В атомном пламени. Но вновь и вновь ОНИ рвали гнилую ткань Времени, возвращались назад – и пытались всё исправить. Всё было совсем не так... И пировали стервятники на огромных пространствах Великой Степи, когда девять из десяти дружинников погибли в битве на Калке. Когда Русь лежала перед верными псами Чингисхана – беззащитная, беспомощная, обречённая... Кто спас её? Кто не дал начаться игу на пятнадцать лет раньше, в 1223 году, а не в 1237-м? Золотой конь. Холодная сталь. Верные друзья. Бескрайняя степь. И судьба Родины, зависящая только от тебя. Ты будешь пытаться снова и снова. Переделать прошлое, чтобы изменить будущее. Пока не поймёшь: ВСЁ ДЕЛО В НАСТОЯЩЕМ.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097418-4

© Максютов Т. Я., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог, написанный авансом	6
Глава первая. Каменная баба	8
Глава вторая. Раб	15
Глава третья. Шарукань	33
Глава четвёртая. Побратимы	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Тимур Максютлов

Князь из десантуры

© Тимур Максютлов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Пусть шторм! Домчимся, грянем парусами,
Сквозь бурю – пусть!
Страна берёз осталась за плечами,
Моя Парусь...*

Борис Лок

*Пять их, а не четыре.
Конь бел, конь рыж, конь ворон, конь блед, и пятый – конь злат!*
Инок Варфоломей

Пролог, написанный авансом

Пламя гудело и выгрызало в ночном небе куски. Швыряло горстями искры, равные по яркости звёздам. Нахальные огоньки пытались вцепиться в чёрное сукно, но быстро сгорали и опадали никчёмным пеплом.

Звёзды презрительно не замечали выскочек. Равнодушно взирали на пылающий город, на заваленные трупами побеждённых кривые улочки, на пьяных от чужой крови победителей.

Где вы, храбрые венгерские рыцари? Раки доедают ваши пронзённые монгольскими стрелами тела, устлавшие дно реки Шайо.

Где ты, славный король Бэла? Знаешь ли, что твой город Загреб сейчас превращается в пепел? Готовишь ли отпор азиатским полчищам? Или, растерянный и испуганный, прячешься с горсткой придворных в горах Далмации?

Пленных сортировали на берегу Савы. Женщины, простоволосые и босые, боялись кричать, когда грубые руки воинов вырывали их из толпы. По-хозяйски ощупывали, словно скотину на рынке, сдёргивали с шей мони́ста. Юная девушка, замешкавшись, не успела вынуть из ушей серёжки – выдрали с мясом. Пожилой бритоголовый боец сморщился от визга, дёрнул за тонкую шею так, что хрустнули нежные позвонки. Опрокинул в грязь, наступил сапогом на спину, завёл назад хрупкие руки. Скрутил замызганным сыромятным ремнём сведённые вместе локти. Вздёрнул за косы, легко поднял. Поставил, шатающуюся, на ноги.

По разбитому лицу девушки стекали чёрная жижа, кровь и слёзы. Бритоголовый сплюнул:

– Тьфу ты, худая, как весенняя овца.

Приятель захохотал:

– Тебе в самый раз. Жене привезёшь помощницу, кизяки собирать, ха-ха-ха! К такой тощей и ревновать не будет.

Боец счастливо улыбнулся щербатым ртом, сощурил и без того узкие глаза. Далеко до родной кибитки, год пути на восток. Далеко...

Пленным мужчинам рубили головы на скользком глинистом берегу, сталкивали тела в воду. Чёрная кровь хлестала из обрубленных артерий, смешиваясь с чёрной ночной рекой. Сава скроет их, обмоет тела и оплачет. Принесёт раздувшиеся трупы отцу – Дунаю. И будут рыбаки из прибрежных деревень тянуть тяжёлые сети со страшным уловом, в ужасе бросать их, грести изо всех сил к берегу и креститься...

Весной 1242 года от Рождества Спасителя нашего пришла беда, которой Европа не видела со времён гуннов Атилы. Неведомые монголы из самого сердца азиатских степей вели свои железные корпуса на запад, а в них – лучшие воины из десятков народов: половцы, булгары, аланы, русичи...

Крыша кафедрального собора прогорела насквозь и рухнула вниз, выбросив в небо громадное облако огня. Кони испуганно присели от дьявольского грохота.

Кучка монахов растерянно жалась друг к другу, вжимая головы в плечи от ржания лошадей, хохота захватчиков и предсмертных криков казнимых. Кто шептал молитвы на латыни, кто мелко крестился. К толпе подошёл невысокий широкоплечий воин в заляпанной кровью кольчуге. Охранявшие монахов смоленские ратники засуетились, зашикали на пленных – заткнитесь, мол, начальник идёт.

Широкоплечий содрал необычную зелёную шапку с длинным полотняным назатыльником. Взлохмаченные светлые волосы торчали слипшимися от пота кустиками. Подбирая трудные слова, спросил на латыни:

– Кто старший?

Монахи замерли. Бледный от страха, из толпы выбрался высохший старичок. Вытер вспотевшую тонзуру, пробормотал:

– Я – аббат Марк, мы бенедиктинцы. А настоятель собора остался там, внутри.

– Что же вы, слуги божьи? Говорили вам по-человечески – сдавайтесь, тогда не тронем. Эх! – светловолосый скривился, поглядел поверх испуганных тонзур на догорающие стены.

Марк рухнул на колени, истово забормотал молитву. Монахи нестройно, будто овечье стадо, подхватили, заблеяли.

Начальник хмыкнул:

– Ну-у-у, запели. Раньше надо было молиться. Поднимите его, – кивнул ратникам.

Воины подскочили, подхватили под локти аббата. Ноги Марка не держали, подламывались, глаза побелели и невидяще уставились в бурые сгустки на кольчуге светловолосого.

Блондин кашлянул и торжественно заговорил:

– Согласно Ясе отца нашего Чингисхана, нельзя причинять вреда слугам веры, ни имуществу их, ни жёнам их. Так, последнее не вам, откуда же у вас жёны, у убогих. Дома богов следует почитать, не используя храмы для постоя воинов и не ломая, и не грабя. Понятно? А вы тут устроили... На что надеялись-то? Мы, считай, уже две трети земной тверди прошли, и никто против наших сабель не устоял. Дурни.

Светловолосый плюнул под ноги, махнул рукой. Приказал смолянам:

– Утром отпустите их на все четыре стороны. Пока ночь – не надо. Прибьёт ещё кто, в темноте не разберёт, что монахи.

Марк забормотал что-то благодарное, оттолкнул ратников, подполз к блондину, пытался целовать сапоги...

– Ну всё, всё. Обслюнявишь сейчас всю обувь, – засмеялся широкоплечий. Поднял аббата за плечи, встряхнул: – Больше не попадайтесь. Во второй раз может и не повезти.

Из толпы выбрался молодой бледный монах, склонился в почтительном поклоне:

– Милосердный сеньор, у меня послание для вашего командира, Рыцаря Солнца.

Уже собиравшийся уходить блондин остановился. Спросил у аббата, а не у молодого:

– Это ещё кто?

– Сеньор, это не наш, – заторопился Марк, – прибыл лишь три дня назад, посланник великого магистра ордена тамплиеров Армана де Перигора, брат Жозеф. У нас отдыхал от трудного пути, чтобы проследовать далее, в Вену...

Широкоплечий вздрогнул:

– Как ты сказал? От магистра тамплиеров?

Приказал Жозефу:

– Следуй за мной, монах.

Повернулся и быстро пошагал прочь от растерянного аббата Марка и его дрожащей братии.

Жозеф лишь на секунду задержался, нащупал зашитый в подкладку плаща пергамент. И рванулся вслед за светловолосым.

Ночной ветер, пропахший горьким дымом пожара и запомнивший хрипы умирающих, потянулся на запад – к Адриатике.

И дальше.

Он будет зловеще гудеть над крышами римских соборов, над баронскими замками Германии и узкими улочками Парижа.

Европа в ужасе замерла. Понимая, что защититься от стального вала с востока – не в силах...

Глава первая. Каменная баба

У «дедушки» в армии – свои преимущества. Между прочим, вполне заслуженные. И пока более молодые товарищи роют окопы и наводят порядок в летнем учебном лагере, можно поваляться на солнышке.

Димка Ярилов угостил сигаретой друга – Сашку Мязина и продолжил рассказ:

– А мой дед, Константин Александрович, между прочим, профессором был и в петербургском университете преподавал. И меня думал для науки воспитать. Даже латынь заставлял учить. Хотя кому она нафиг нужна? Кто её вообще помнит, кроме медиков?

– Была у меня одна, из мединститута, – поддержал Мязин, чтобы сказать хоть что-нибудь. Вообще-то его часто удивляло умение приятеля вернуть непонятную цитату или заявить что-нибудь типа: «А чего напрягаться, Саня? Чтобы увеличивать мировую энтропию?»

Вот совершенно непонятно, что сказал. Но напрягаться после такого действительно не хочется.

Однако всё же пришлось вставать и идти на построение. Командир парашютно-десантной роты, капитан Николай Асс, по кличке «Гвардия», раздражённо шёл вдоль строя, поглядывая на загорелых, улыбающихся и радующихся жизни бойцов.

Кличку свою ротный получил за то, что из всех положенных ему наградных планок и побрякушек признавал только знак «Гвардия», спасший хозяина когда-то от смерти. От касательного удара осколком знак прогнулся вовнутрь и напрочь утратил центральную красную звезду.

Капитан Асс принялся и мрачно заметил:

– Вы чё лыбьтесь, как параша, а? Думаете, на курорт приехали? Перегаром от вас несёт – страшно спичку зажечь, чтоб не взорваться к дебелям. Сегодня в палатку второго взвода ночью зашёл – пять коек пустых! Где вы были, я спрашиваю? Мы сюда приехали, чтобы вы занимались боевой учёбой, а не в посёлок бегали девок портить и винище местное жрать. Я вас научу Родину любить, раздолбаи! Вы у меня на дембель поедете худые и звонкие, а не раскабаневшие, как депутаты Госдумы. С сегодняшнего дня буду лично проверять все значные места в посёлке. Если кого поймаю – пеняйте на себя. Разойдись!

– Как думаешь, Гвардия врёт, что будет нас в посёлке ловить? – спросил Димка.

Мязин пожал плечами:

– Да кто же его знает? Если шлея под хвостом – так, может, и попрётся. А тебе чего?

– Хотел сегодня туда за водкой сбежать. Повод есть.

– И что за повод?

Ярилов ответил не сразу.

– У деда сегодня годовщина смерти. Три года. Я же родителей своих не помню, меня дедушка растил.

– Сирота, значит, – подытожил Мязин. Сказал без сочувствия или какой-то окраски, просто констатировал факт.

Дима сделал вид, что его не зацепило равнодушие товарища. Сегодня настроение было особенно хреновым. И даже в заветном карманном календарике Ярилов с утра не стал зачеркивать крестиком очередной день, приближающий к дембелю. Там, в Питере, его никто не ждал.

Хотелось уткнуться в дедушкину старую клетчатую рубашку. Почувствовать знакомый с детства особенный запах воска, старых книг и сердечных капель.

Мязин понял, что приятель нуждается в поддержке. Нарочито бодро сказал:

– Ну, друзья же остались, девчонки. Дембельнёшься – и всё будет путём.

– Да какие друзья, – махнул рукой Димка, – так, приятели из университета. Один мне своими руками татуху набил, на память. Как раз перед тем, как я сессию завалил.

– Восстановишься, – беспечно сказал сержант. – Вам, питерским, прёт с рождения. А ты тем более рыжий. Рыжие – они везучие. Кстати, что за татуха? Покажи.

Дима расстегнул куртку. Слева, над сердцем, пылал солнечный диск, внутри которого приготовилась к нападению кобра. Мастер смог передать в татуировке напряжение змеиного тела, холодный огонь в глазах пресмыкающегося... Сбоку столбиком были набиты незнакомые, странные буквы.

– Зачётная татуха, – заметил Мязин, – надпись по-китайски?

– Нет, – ответил Ярилов, застёгиваясь, – кажется, по-тибетски. Что-то про войну со временем, которое пожирает солнце и человеческие жизни. Не помню точно. А мастер этот потом пропал куда-то, не переспросить...

– Ладно, – Мязин затушил окурок, поднялся на ноги. – Пойдём, а то лейтенант Дыров там обыскался уже нас, наверное. А в посёлок спокойно сбегает, не будут они никого ловить.

* * *

«Уазик» ротного лихо притормозил, подняв тучу пыли. Капитан Асс и лейтенант Дыров выбрались из раскалённого нутра, поднялись на крыльцо кафе «Лебёдушка» – центра культурной жизни шахтёрского посёлка.

– Это ты, Коля, правильно придумал, – взводный Дыров продолжил начатый ещё в машине разговор, – засаду здесь, в кафе, устроить. Если наши раздолбаи попрутся в посёлок на гулянку, то точно мимо не пройдут.

– А то, – заметил Асс, – у меня же стратегическое мышление. Мне вообще место в Генштабе, да только начальство ходу не даёт.

– Почему? – удивился Дыров.

– Завидует, – рассмеялся Асс.

Внутри пустого, замызганного помещения было чуть прохладнее, чем на улице. Пока Дыров рассматривал написанное от руки меню, Асс пытал буфетчицу в бывшем белом халате, подозрительными пятнами навевавшем размышления то ли о забойном цехе мясокомбината, то ли о кабинете стоматолога-садиста.

Капитан наседали:

– Так приходят солдатики к вам сюда? Какие, когда? Узнаёте кого-нибудь?

Асс протянул буфетчице смартфон с фотографиями подчинённых:

– Этот был? Или, может этот, Мязин его фамилия?

Буфетчица лениво глянула в экранчик, плавно махнула рукой:

– Ой, да разве же кого упомнишь? У меня память-то девичья! – и прокуренно рассмеялась.

Капитан понял, что толку не добьётся. Серdito сказал:

– Мы тут по службе, а не от балды. Будем сидеть, пока не придёт кто-нибудь.

– Да и сидайте, хлопчики, – обрадовалась хозяйка, – я пока пивка вам налью. Или водочки сразу? Графинчик, из холодильничка, поллитра?

– Но-но! – строго поглядел на неё Асс. – Мы при исполнении. Максимум – триста граммов!

– Да як скажете, – легко согласилась хозяйка. Выскочила из-за стойки; ловко сдёрнула со столика скатерть неопределённого цвета, стряхнула прямо на пол крошки, перевернула и снова расстелила, разглаживая широкими ладонями. Пригласила: – Сидайте, сейчас всё будет!

– Всё будет, – задумчиво повторил Дыров. – Всё, кроме счастья и любви.

* * *

К вечеру над посёлком нагнало фиолетовые, беременные влагой тучи. Такие низкие, что казалось: сейчас они распорют себе брюхо о трубу поселковой ГРЭС и вывалят тонны воды на пересохшую от жары землю. Было душно, вдалеке погромыхивало.

Асс и Дыров, поддерживая друг друга, выбрались на крыльцо «Лебедушки».

– Хорошие у нас бойцы, дицилипри... диспиц... Хорошие, короче, – заметил Дыров. – Так никто и не пришёл в кафе-то.

– Это да, – согласился капитан, – молодцы. А всё почему? Потому как воспитываем. И-и-и... И в том числе личным примером.

– Пример-то у нас Медведев. Пример-министр-р-р, – невпопад вставил лейтенант. И пошёл, шатаясь, к «уазику».

– Погодь! – остановил его ротный. – Погодь, пьяными не поедем. Нельзя за руль пьяными. Пошли пешком, тут пара километров.

– А и пошли, – легко согласился Дыров, – проветримся заодно. Только под грозу бы не попасть. Вот так срежем, – и рубанул воздух ладонью, показывая направление.

– Правильно показываешь? – засомневался Асс. – Не заблудить бы.

– Блуд – это грех, – заметил Дыров, – с блудом у меня напряжёнка. Не любят меня, сучки. Хотя вот если скажем, например, про эту буфетчицу...

– Я говорю – дорогу-то найдём? – вернул на землю приятеля ротный.

– Конечно! – твёрдо сказал лейтенант. – Там же ориентир. Каменная баба на пригорке. До неё доберёмся, а потом направо – и в лагерь. Мимо бабы не пройдем.

– Ты, как чуток выпьешь, так мимо ни одной бабы не пройдёшь, – осуждающе покачал головой ротный. – Ладно, двинулись.

Офицеры повернулись в нужном направлении и целеустремлённо пошагали в степь. Капитан шёл молча, мерил степь длинными лосиными ногами. Дыров бултыхался позади, сипел прокуренными лёгкими.

Поднялись на пригорок с каменным истуканом, остановились отдышаться. Капитан положил руку на статую и тут же отёрнул – камень показался неожиданно холодным.

Над головой грохнуло, яркий ветвистый шрам молнии распорол небо. И, словно отвечая ему, сиреневым засветилась каменная баба.

Пронзительный свет вспыхнул, выжигая глаза. Что-то испуганно прокричал Дыров. Капитан почувствовал, как его закручивает спиралью, отрывает от земли и швыряет в дышащее обжигающим холодом сияющее облако.

* * *

Димка вскрикнул, расстегнул куртку, посмотрел на грудь: татуировку над сердцем будто жгло огнём. Показалось даже, что изображённая на фоне солнечного диска кобра зашевелилась, свиваясь в тугие кольца перед прыжком. Осторожно потрогал кожу, успокоился – показалось.

Ярилов вышел из лагеря, когда стемнело. В кафе «Лебедушка» можно было достать водку круглосуточно, а ночь гарантировала от неприятностей с командованием.

Димка торопился, боясь попасть под дождь – в небе громыхало всё чаще, и уже несколько раз били крупные молнии. Цикады в траве притихли, зато ветер набирал силу, наваливался рывками.

Ночь обрушилась сразу, как обычно бывает в этих краях. Из-за плотных туч не было видно луны и звёзд, и темень стала вязкой, словно кисель из чёрных чернил.

Дима уже пожалел, что не пошёл по дороге – в такой темноте в степи недолго было и заплутать. Шагал осторожно, боясь влететь в какую-нибудь канаву, но всё равно не уберёгся. Споткнулся о невидимый камень, упал на бок, больно ударившись. Поднялся, отряхиваясь, нащупал в кармане армейскую аптечку – вроде целая.

Ярилов двигался почти на ощупь, уже не понимая, в каком направлении идти.

– Ш-ш-у-х!

Вновь ударила молния, ослепила вспышкой – но Димка с облегчением успел рассмотреть тёмный силуэт каменной бабы метрах в пятидесяти. Вспомнил из университетской лекции про эти фигуры, оставленные вечно меняющимися друг друга народами Великой Степи: скифами, огузами, печенегами, половцами... Половцы называли их «балбалами» и ставили в честь воинов, павших на защите родной земли.

Повернул к статуе, начал карабкаться на пригорок. Добрался до балбала, остановился. Здесь как будто было светлее. Или это луна наконец-то пробилась сквозь тучи? Обошёл бабу вокруг. Серый, грубый песчаник охлаждал пальцы. И словно лучился изнутри. Дима пригляделся и присвистнул:

– Э-э, а ты же не баба, а мужик!

Точно, в руке то ли кинжал, то ли короткий меч. Борода. А под бородой, на левой стороне груди...

Дмитрий замер. Протёр глаза, посмотрел ещё раз. На левой стороне груди, над сердцем, угадывалось грубое полустёртое изображение солнечного диска и змеи, готовой напасть.

Ярилов протянул пальцы – потрогать знакомый рисунок. И в следующее мгновение, ослеплённый вспышкой, уже летел куда-то, охваченный жутким холодом.

* * *

Димка лежал ничком и чувствовал, как обжигающе холодная земля высасывает тепло, превращая кровь в стывшее желе. Мутило, в глазах прыгали чёрные точки, словно мошки над затхлой лужей. Прыгали и пищали на тошнотворно высокой ноте. Собрался с силами, перевернулся на спину. Кажется, потерял сознание на миг.

Над головой оказалось не затянутое тучами ночное небо, не густо-синее и жаркое дневное, а бледно-голубое от холода. Ярилов с трудом перекатил глаза и разглядел склонившуюся над ним метёлку ковыля. Мёртвую, посеребренную инеем.

В голове неспешно копошились мысли, похожие на бледных опарышей – такие же короткие и противные.

Вот, лежу. И холодно. Небо – совсем зимнее. То есть полгода лежу. Умер, наверное. Не слышно ничего. Только этот унылый писк.

Неожиданно, щелчком, вернулись звуки. Димка услышал, как бухает сердце, потом – как ветер высвистывает в траве, шелестит сухими стеблями.

Осторожно сел. Прикрыл глаза от навалившегося головокружения. Резко поднялся на ноги...

Всё-таки зря – так резко. Швырнуло, повело вперёд, припечатало к камню. Дмитрий прямо перед лицом разглядел пустые глаза и бороду из песчаника, нащупал руками шершавую поверхность. И вспомнил, как его, ослеплённого вспышкой, крутило в ледяной трубе, комкало и било...

Всё ещё чувствуя слабость, опёрся на каменного воина, повернулся лицом к посёлку. Замер.

Там, где ещё несколько минут назад светился ночными огнями маленький шахтёрский посёлок, не было ничего. Ни высокой трубы ГРЭС, ни крашенных в жёлтый цвет двухэтажек, ни белёных хаток частного сектора.

Пусто. Степь. Серый высокий ковыль, кивающий ветру. А под ногами – чёрная вымерзшая земля с редкими крупинками снега. Дима обошёл истукана вокруг. Посмотрел на север. На месте, где должны были стоять выгоревшие брезентовые палатки лагеря второй парашютно-десантной роты, тоже ничего не было.

Предположим, капитан Асс плюнул на пропавшего рядового Ярилова, рота свернула лагерь и убыла к месту постоянной дислокации.

Но посёлок-то где? Где пыльные кусты акации и улицы, покрытые растрескавшимся асфальтом, а на улицах – люди... И «Лебёдушка»! Была, а теперь нет.

Дима понял, что надо идти к посёлку. Даже если произошла какая-то катастрофа, то должны остаться развалины, фундаменты домов. Рассыпавшиеся битым кирпичом стены. Просто всё заросло травой. Вот сейчас сержант Ярилов спустится с холма, пройдёт два километра и всё обнаружит. Или десантник Ярилов лежит сейчас в палатке, дрыхнет? Через минуту старшина истошно проорёт «Рота, подъём!» И кончится этот идиотский сон.

Дмитрий постучал по ледяной земле разбитым берцем – услышал глухой звук. Достал из кармана дешёвую китайскую зажигалку. Чиркнул колёсиком, прикрыл ладонью от противного ветра дохлый, еле видный огонёк. Подумал. Прижал ладонь к огоньку – и резко вскрикнул, выронил зажигалку. Подул на обожжённую кожу, помахал рукой. Нет, не сон.

Точно – не сон! Ветер принёс новые звуки – далёкий скрип, конский топот и голоса. Дима пригляделся: с запада двигалась то ли колонна, то ли обоз. Господи, тут есть люди! А пустая, замороженная степь – просто морок, последствия пьяного сна или контузии.

Ярилов рванулся, побежал, размахивая руками и крича что-то неразборчиво-счастливое.

Он бежал и старался не думать о том, почему эти люди едут на телегах, а не на, предположим, грузовиках. А рядом с телегами – тёмные силуэты всадников. Мало ли, может, это колхозники местные. Экономят на топливе для посевной, на сенокос ездили. Или нет. Зимой, кажется, сено не косят. А почему, кстати, зима? Ладно, сейчас разберёмся. Добрые колхозники всё объяснят. Вместе посмеёмся над Димкиными глюками и страхами.

Ярилова, наконец, заметили – от каравана отделились два всадника, отправились рысью навстречу. Дима снова закричал какую-то глупость, вроде «Эгей, славяне», и надал. Потом перешёл на шаг. Потом совсем остановился.

Те, кто приближался к нему на невысоких лохматых лошадках, на колхозников похожи не были.

* * *

Замороженная степь, скрип тележных колёс и два всадника совершенно дикого вида.

Первым подъехал смуглый и узкоглазый. Остановился метрах в пяти, прокричал какой-то вопрос на языке, похожем на татарский. Лохматая лошадка, гремя уздечкой, сразу опустила голову и стала что-то искать в траве. Нашла и вкусно захрумкала.

Но обалдевший Дима смотрел на конника, а не на лошадь. Станный головной убор (в голове всплыло откуда-то смешное слово «малахай»), какая-то одежда из вытертого меха, кожаные штаны. А поперёк седла – короткое копьё с металлическим наконечником.

Всадник повторил вопрос уже более строгим тоном. Ярилов развёл руками:

– Я тебя не понимаю, друг.

– А, урус! – чему-то обрадовался незнакомец. Ловко спрыгнул с седла, подошёл к Димке и оказался совсем невысоким, ниже на голову. Приподнял копьё, приказал:

– Руки покажи.

Дима не понял – он поражённо рассматривал притороченный к седлу саадок с самым настоящим луком.

– Ну! – смуглый чувствительно ткнул Ярилова копьём в грудь и повторил: – Руки!

– Полегче, товарищ, – пробормотал Димка, демонстрируя пустые ладони, – я свой.

Второй всадник, с непокрытой светло-русой головой, оказался явно славянской наружности. Сидел в седле, небрежно держа в одной руке лук с положенной сверху стрелой, но в этой небрежности чувствовалась готовность немедленно натянуть тетиву и выстрелить.

И вообще, в их движениях и позах ощущалась какая-то непонятная сила, уверенность в себе, какую Дима давно не замечал в людях. Разве что – у редких противников на соревнованиях по рукопашному бою.

Смуглый тем временем осматривал пространство за спиной Ярилова. «Думает, засада», – сообразил Димка и попытался заговорить:

– Друг, я свой, русский. Тут рота наша стояла...

– Тихо! – оборвал его узкоглазый. – Спиной повернись.

Первой мыслью было отобрать у смуглого копье, дать ему по башке и смыться в степь.

Смыться. В пустую степь, где даже «Лебёдушки» нет. Пешком – от всадников.

Ярилов послушно выполнил команду. Что-то ему подсказывало – не стоит раздражать этих странных людей, сбежавших то ли из сумасшедшего дома, то ли со съёмки исторического фильма. Да и второй всадник, страхующий, явно был готов проткнуть Диму стрелой при первом неосторожном движении.

– Меня слушать. Побежишь – убью, – сказал смуглый так, что ему сразу верилось. Вскочил в седло, кивнул: – Иди к обозу.

Ярилов пошагал, мучительно соображая, во что же такое он вляпался на этот раз, и тут же получил чувствительный удар тупым концом копья между лопаток.

– Живее давай, – приказал смуглый.

Дима выругался про себя и перешел на неторопливый бег, стараясь смотреть под ноги, а не на приближающийся странный караван.

На холме остался нести свою загадочную вахту каменный воин со знаком солнечного диска на груди.

* * *

– Чей ты холоп, русич? Почему в поле один?

Дядька сидел на рослом вороном коне. Сбруя украшена грубыми серебряными бляхами, под распахнутой епанчёр – кольчуга. Сразу видно – начальник.

– Я не холоп, товарищ, – сказал Дима, растерянно оглядывая обоз. Телеги допотопные, на них – какие-то мешки, бараны со связанными ногами. Колёса без спиц, криво сколочены из досок. Всадников было около дюжины, и выглядели они все крайне необычно – в кафтанах, меховых шапках, и все – с древним, из музея, оружием.

– А кто же ты? Если воин – где твой конь, меч? От хозяина сбежал? – дядька построжал голосом.

– Блаженный какой-то, – заметил молчавший раньше блондин с непокрытой головой, – я же говорил, что тут место дурное, морочное. И одет-то странно. Бека товарищем называет, гы-гы.

– Помолчи, Хорь, – оборвал дядька и вновь обратился к Ярилову: – Ну, так кто твой хозяин? Я вот – Тугорбек, и мои рабы точно знают, кто их хозяин. А ты что, забыл?

– Нет у меня хозяина, – сказал Димка, начиная раздражаться, – я сам по себе.

Тугорбек обрадовался чему-то. Зловеще улыбнулся и обратился к остальным:

– Все слышали? Этот раб – ничей!

Диме уже надоел непонятливый дядька, и он повысил голос:

– Сколько раз, блин, говорить – я не раб, а сержант второй парашютно-десантной роты Яри...

Договорить ему не дали – сзади ударили по голове. Ярилов задохнулся на полуслове, упал вперёд, на мёрзлую землю. Будто сквозь вату слышал смешки, чувствовал, как стягивают верёвкой заведённые назад руки. На горло накинута петля, затянули так, что Дима захрипел, задыхаясь...

Когда перестали плавать в глазах багровые пятна, Ярилов услышал голос Тугорбека:

– Э-э-э, осторожнее, не придушите. Отныне ты – раб мой, русич, чему есть одиннадцать свидетелей. И имени у тебя нет, пока я не разрешу тебе его вспомнить. Ясно?

Димка покрутил головой, обдирая шею о жёсткую веревку. Прохрипел:

– Брат, ты чего?! В историческую реконструкцию заигрался? Какой я тебе раб?

От жестокого удара сапогом под рёбра перехватило дыхание. Били недолго, деловито и даже лениво; скорее по обязанности, чем со зла. Подняли на ноги.

Тугорбек приблизил бордовое лицо с редкими чёрными усами, прошипел:

– Если ты ещё раз, раб, назовёшь меня, кыпчака Тугора, бека Чатыйского куреня, своим братом, то от тебя будут отрезать куски по одному и скармливать собакам, пока ты весь не кончишься. Понял, урус?!

Дальше бек зло произнёс несколько слов. Очень похожих на те, что ротный повар-татарин говорил, когда порезал палец ножом, чистя картошку.

Вскочил в седло и понёсся, нахлёстывая жеребца по бокам плёткой.

Гулко стучали копыта по мёрзлой земле. Нешадно скрипели кособокие колёса. На последней телеге тянул заунывную песню возница. Бухал разбитыми берцами, мотаясь на верёвке, привязанный к повозке раб Тугорбека. Холодное зимнее солнце словно подожгло его ярко-рыжие вихры.

Рядом ехал, развалившись в седле, широкоплечий Хорь. Покачивались в такт притороченные к седлу саадак с луком и колчан с парой десятков оперённых стрел.

Безымянный раб не удержался и улыбнулся разбитыми губами, когда увидел на блондине свою армейскую кепку, надетую козырьком назад.

Глава вторая. Раб

Злой степной ветер морозил до костей – летняя форма не защищала от холода. Жёсткая колючая верёвка до крови натёрла шею и руки. Димка несколько раз пытался заговорить со всадниками, но его игнорировали, а разок легонько стукнули древком копыя по голове, отбив охоту к расспросам.

За несколько часов пути через степь они не встретили ни одной машины. В густонаселённом районе не осталось городков, посёлков, хотя бы захудалого хутора. Узкие колеи причудливо выходящей полевой дороги явно никогда не видели автомобильных шин, на обочинах не было указателей, а в придорожной траве ни разу не блеснули осколки стекла или фольга выброшенной сигаретной пачки.

А любители исторической реконструкции ни разу не запечатлели друг друга на айфонах, чтобы похвалиться в соцсетях своим необычным видом.

Димка лихорадочно соображал, куда это он попал и что можно сделать. Пронзительный холод, саднящая боль от побоев и скребущая шею верёвка исключали сон. А верить в то, что он почему-то выпал из своего времени и попал в другое, древнее – категорически не хотелось.

Обоз спустился к замерзшей ледяной речушке и остановился на привал. Широкоплечий Хорь подошёл к Диме, развязал верёвку, снял с шеи петлю. Сунул в руки странный предмет, отдалённо напоминающий топор. Толкнул к речке:

– Давай, русич, кустов наруби для огня. Да побольше – ночь длинная будет, морозная.

Ярилов рассмотрел неровное лезвие явно ручной, не фабричной, работы. Спросил:

– А ты разве не русич?

– Я-то? Я бродник! – гордо объявил Хорь. Потом вздохнул и добавил: – У кыпчаков служу только, мне к своим ходу нет.

Бродник! У Ярилова как вспышкой осветило: бродники – это двенадцатый-тринадцатый век. Неужели и вправду в прошлое закинуло?! И кыпчаки – половцы в то же время жили...

Хорь разозлился, что болтает с холопом, прикрикнул:

– Ну, раззява! Давай дрова руби да к кострищу таскай. Говорливый, вишь.

«Дать бы тебе по лбу этой пародией на топор», – подумал Димка. Силой и ростом Ярилова бог не обидел, да и рукопашным боем занимался. А все эти ребята из непонятных времён были на голову, а то и на две ниже. Но вот что делать дальше? Остальные налетят, издалека стрелами ёжика сделают из бунтовщика.

Нет, как там ротный Асс учил? Сначала – рекогносцировка. То есть получить данные о происходящем, а потом уже принимать решения и действовать.

Ярилов ободрал все руки и колени, ползая по крутому речному склону и мучаясь с пружинящими, неохотно поддающимися тупому топору ветками. Под присмотром Хоря разбил пешней лёд. В деревянном ведре с верёвочной ручкой таскал воду, поил коней. Потом наполнил чан, подвешенный над огнём.

Смертельно уставший Димка присел отдохнуть у тележного колеса. Подошёл смуглый Азамат, ткнул рукоятью плётки в Димкины берцы:

– Это что? Снимай. Меняться будем.

Димка поднял взгляд. Почувствовал, как закипает холодная злоба. Буркнул:

– А ещё чего снять? Может, сразу штаны – и задом повернуться?

Половец с сожалением поцокал языком:

– Неа, не люб ты мне. Не надо штаны. Ичиги снимай.

Димка, не вставая, резко ударил Азамата каблуком берца в коленную чашечку. Половец коротко хыкнул и грохнулся на землю.

Ярилов вскочил и уже поднял ногу, чтобы врезать любителю чужой обуви по черепу. Азамат неожиданно ловко перекатился – и стопа обрушилась на пустую мёрзлую землю.

Все кыпчаки бросили свои дела и столпились вокруг, подбадривая бойцов гортанными криками. Заварушка им явно нравилась.

Димка успел выбросить длинную руку и сбить противнику с бритой головы малахай, но второй удар пришёлся в пустоту – «двочки» не получилось. Димка не очень понимал, что происходило – кажущийся до этого вальяжным и медленным половец двигался необыкновенно быстро, будто заранее чувствовал, куда придётся очередной удар – и оказывался в другом месте за мгновение до того, как Димка пропарывал кулаком пустоту.

До Ярилова не сразу дошло, что зрители ржут над ним и подбадривают товарища, который издевается над здоровенным, но неловким русичем. Уйдя в очередной раз от рассвирепевшего Димки, Азамат остановился и поклонился визжащим от удовольствия кыпчакам – словно тореадор раскланивается перед восхищённой публикой.

Ярилов завыл, теряя самообладание, и бросился всем восьмидесятикилограммовым телом, растопырив руки – чтобы схватить, придушить, раздавить недомерка.

И, пойманный на подножку, грохнулся на землю под громовой хохот.

Перекатился на спину, вскочил на ноги – и замер.

В Димкино горло весьма чувствительно упиралось холодное жало сабли. Всё это время у Азамата болталось на поясе оружие – и он даже не собирался вынимать его из ножен: настолько Ярилов был несерьёзным противником.

– Ну что, урус, – прошипел половец, – сразу башку отрубить? Или сначала помучить?

Димка стоял, боясь шелохнуться, и чувствовал, как по шее стекает тёплая струйка крови.

– Плохо дрался, – заключил Азамат, – лёгкой смерти не заработал. Мучить буду.

– Ага, только сначала деньги за чужого раба заплати, – лениво заметил Тугорбек, – а потом делай с ним, что хочешь.

Он подошёл незаметно и стоял позади зрителей, поглаживая рукоять заткнутой за пояс плётки.

Азамат убрал клинок от горла Димы, бормоча ругательства. Поклонился беку.

Тугорбек поманил пальцем Диму:

– Подойди, урус.

Посмотрел снизу, поцокал языком:

– Эх, плохой раб. Непослушный. В первый день – и бунтовать. Отчего драка?

Ярилов угрюмо промолчал.

Тугорбек хмыкнул, что-то спросил по-кыпчакски у Азамата. Тот пробурчал в ответ по-русски:

– Э-э-э, хозяин, всего-то попросил ичигами поменяться. Мои-то всё, порвались.

– Да-а-а, – протянул бек, – совсем плохой раб. Непослушный, да ещё и жадный. И глупый. Скажи, раб, что тебе дороже: жизнь или ичиги? Ну? Отвечай.

Ярилов сглотнул слюну. Тихо ответил:

– Жизнь.

– А? – переспросил бек, приложив руку в серебряных перстнях к уху. – Что бормочешь?

– Жизнь! – почти выкрикнул Дима.

Тугорбек удовлетворённо кивнул, улыбнулся:

– Вот как хорошо! Умнеешь прямо на глазах. Ну, коли жизнь дороже – так отдай ичиги.

Развернулся и пошёл к своей кибитке. Димка посмотрел ему вслед и вдруг с ужасом осознал, что мог уже давно лежать с перерубленным горлом – и никто из них даже не подумал бы копать мёрзлую землю для его могилы. Бросили бы прямо тут, у дороги – безымянного раба, никчёмного гостя из другого времени.

– Ну, оглох? – поинтересовался Азамат. – Или не слышал, что хозяин сказал?

Ярилов снял обувку. Стоял, переминаясь, в одних носках – холодная земля жгла стопы. Азамат потрогал заскорузлыми пальцами шнурки на берцах, хмыкнул. Сел на землю, разулся, кинул Димке свои драные ичиги. Повозился со шнурками, снова хмыкнул, приказал:

– Помогай, холоп!

Дима встал перед половцем на колени, помог натянуть берцы на невероятно грязные ноги, завязал шнурки.

Азамат встал, осторожно прошёл несколько шагов. Блаженно улыбнулся:

– Яхши! Тепло и сладко, как у бабы в норке.

И пошёл хвастаться необычной обновкой перед товарищами.

Вода в котле начала закипать. Подошёл Хорь, разворошил мешки на телеге, достал большой кусок заветренного мяса. Понюхал, сплюнул. Вынул из-за сапожного голенища нож, срезал позеленевшие части, бросил на землю перед Димой:

– Ешь, раб. Я сегодня добрый.

Остальное мясо отправилось в котёл, как и просьяная крупа из мешка.

Быстро отгорел закат, ночь подула ледяным ветром. Половцы сидели вокруг костра, ели кулеш из деревянных мисок, вылавливали горячие куски мяса руками прямо из чана. Тугорбек разрешил погреться кумысом, и вскоре компания возбуждённо хохотала над байками Хоря. Потом, раскрыв рты, слушала рассказ Азамата о том, как его отец в войске славного хана Юрия Кончаковича ходил на Киев, по договору с русским князем Рюриком Ростиславовичем, чтобы вернуть ему столичный стол. Русичи – они такие, всё время между собой дерутся, и без помощи степных батыров им не справиться... Город взяли штурмом и уж потом пограбили от души.

Дмитрия сразу прогнали от костра. Голодный (есть вонючие зелёные обрезки он не решил), окоченевший раб скрючился у тележного колеса на мёрзлой земле.

В голове ворочались мысли по поводу услышанного от Азамата. Юрий Кончакович, Рюрик Ростиславович – полузабытые студентом имена, относящиеся, кажется, к началу тринадцатого века...

А потом ночной мороз оставил в голове одну мысль – что до утра Димке не дожить. Замёрзнет насмерть, останется лежать скрюченным трупом, а половцы даже не огорчатся такому событию. Или Тугорбек расстроится? Всё-таки раб – это имущество. Больших денег, наверное, стоит.

С холодом приходило блаженное забытие. Мелькнуло румяное смеющееся мамино лицо. Зимний каток, залитый ярко-жёлтым светом. И папа, стоящий перед ним на коленях и надевающий коньки – так же, как Ярилов надевал свои берцы Азамату. Зима, скоро Новый год, Миллениум. Димка – первоклассник, а родители ещё живы.

Папа поднял лицо и вдруг превратился в тренера по рукопашному бою Сан Саныча. Тренер зло тряс потной лысиной и орал:

– Работай, Ярилов! Надо работать, двигаться! Никто победу на блюде не принесёт! Подумаешь, чемпион России – он таким же способом сделанный, как ты, Ярилов. Мамой и папой. Соберись, ты же не институтка из Смольного, ты боец, тля! У тебя руки длиннее, джеб используй. Встречным его, тля!

Ярилов очнулся. Над головой холодными плевками звёзд светилось морозное небо.

Вскочил. Начал размахивать руками, топать ногами. Когда вернулась чувствительность к пальцам – пошёл бить в воздух «двойками» и «тройками», не забывая отрабатывать и по голени воображаемого противника. Согрелся, продышался. Наконец, устал.

Пошарил пальцами по грязной земле. Нашупал куски гнилого мяса.

Подавил позыв рвоты и начал жадно есть.

Что мы имеем? Аптечку, тренированное тело, мозги. Надо только чуток времени разобратся в этой каше и понять, как использовать свои преимущества.

Хрен им, а не раб Дима Ярилов. Никогда питерец двадцать первого века не будет рабом у кочевников тринадцатого.

Как минимум – беком.

А то и ханом.

* * *

Зимнее солнце неторопливо. Восток ещё только начал наливаться призрачно-серым, а муэдзин уже забрался на плоскую крышу временной мечети и призвал правоверных мусульман к первому сегодня намазу.

Всего несколько месяцев назад десант сельджуков из Румского султаната высадился в крымской Согдее, разбил союзное войско половцев и русичей и захватил город. Нет ещё здесь славящих Всевышнего мечетей, нет тонких минаретов, протыкающих небо. Но будут!

Бритоголовый человек давно уже не спал, смотрел в низкий закопчённый потолок. Поднялся с низкого ложа, налил из медного кувшина воду в таз. Умыл лицо. Угли в жаровне за ночь остыли, в комнате было холодно, и в воде попадались маленькие колючие льдинки.

Постелил молитвенный коврик, поднёс руки к ушам, произнёс первые слова:

– Аллаху акбар...

Нельзя думать о постороннем, молясь Всевышнему. Но бритоголовый не мог избавиться от дурного предчувствия, преследующего его со вчерашнего дня. А ночью ему снился обжигающий солнечный диск и мерзкая тварь – кобра, приготовившаяся к атаке.

В ткани времени образовалась дыра, её обугленные края жгли и не давали покоя. Бадр чувствовал это, и ему не терпелось проверить правдивость кошмара.

Торопливей, чем следовало, Бадр закончил намаз. Поднялся с коврика, подошёл к изголовью скромного ложа. Взял в руки маленький сундук из драгоценного палисандра.

Когда неделю назад Бадр заселялся в этот хороший, по местным меркам, караван-сарай, хозяин не скрывал удивления, что у столь бедно одетого путника весь багаж состоит из такой редкой и ценной вещи. Но серебряные дирхемы, щедро уплаченные за месяц вперёд, успокоили и обрадовали владельца гостиницы.

Снял с шеи маленький, хитро изогнутый ключ. Отпёр замок, достал сделанное из кости оружие. Погладил серую поверхность, покрытую причудливыми буквами, потрогал пальцем косо заострённое жало. Положил назад. Вдохнул и взял стеклянный флакон. Медленно вытащил пробку, оттягивая неприятный момент. Зажмурился, сделал маленький глоток. Жидкость мгновенно обожгла нёбо, обездвижила язык, бросилась в пищевод, прожигая внутренности. Грудь сдавило, и сил вдохнуть не было.

Почти теряя сознание, Бадр подошёл к тазу, упал перед ним на колени. Наклонил флакон, уронил несколько капель в воду. Поверхность покрылась рябью, замерцала. Бритоголовый дрожащей рукой вытащил из-за пояса кинжал, чиркнул кончиком острого лезвия по левой руке. Густая, почти чёрная кровь медленно стекала и капала в светящуюся сиреневым светом посуду.

Вода закипела, закрутилась воронкой. Бадр схватился за горло – воздух вдруг хлынул горячей живительной волной в ссохшиеся лёгкие, наполнил грудь.

На поверхности воды качались стебли степного ковыля. Бадр услышал топот копыт маленького каравана, скрип тележных колёс, увидел тёмный силуэт каменного балбала.

Резко выдохнул, упал, нечаянно опрокинув таз. Обессиленный, лежал на полу, в луже успокоившейся, обыкновенной и даже грязной воды.

Прохрипел:

– Дешт-и-Кыпчак. Шарукань. Ди-ми-трий.

Повезло хозяину караван-сарая. Деньги получил за месяц, а постоялец освободит комнату, прожив едва неделю.

* * *

– Это ты чего изображал, а? Воинское учение?

Хорь стоял, слегка покачиваясь от выпитого кумыса. Хмыкнул:

– Говорил – не простой ты холоп. Пошли к костру, погреешься.

Димка пошагал за бродником. Половцы уже разбрелись по кибиткам на телегах; кто-то храпел здесь же, у огня, завернувшись в шкуры. Азамат не спал, задумчиво глядя на угли; да сидел, закутавшись в драную шубу, молодой парень с бледным лицом и испариной на лбу. Раскачивался и что-то бормотал.

Хорь протянул Диме деревянную миску и ложку:

– На, поешь, ещё осталось немного. Вижу, крест на тебе, а православный своему всегда поможет. Правда, нехристь? – это уже предназначалось Азамату.

Азамат не обиделся, протянул:

– Э-э-э. Бог один, имён у него много: что наш, Тенгри, что ваш, Иисус.

Димка ел кашу из разваренной крупы, почти несолёную, с еле уловимым привкусом несвежего мяса и попавшими в котёл пеплом и мелкими угольками. И думал, что ничего вкуснее в своей жизни не пробовал.

Хорь пытал Диму:

– Странный ты какой-то и одет не пойми во что. Вроде длинный вымахал, с добрую оглоблю, а бестолковый, с Азаматом даже справиться не смог.

Азамат лениво проворчал:

– Ну, ты полегче, Хорь. Я таких, как ты, с десяток узелком завяжу да за горку закину.

Хорь отмахнулся и продолжил:

– Топором-то как махал – я боялся, что ногу себе оттяпаешь. Блаженный какой, что ли?

Князь-то кто у вас? Ну, главный кто?

Димка пожал плечами:

– Владимир Владимирович.

Хорь удивился:

– Видать, из дальней ты земли. Я всех ближних ваших князей знаю: в Рязани Ингварь сидит, в Галиче, Киеве и Чернигове – Мстиславы. И где у твоего Владимира стол?

– В Москве.

– Не знаю такого города. Видать, совсем маленький и далеко, – почесал в затылке Хорь.

– Далеко, – согласился Дима. И спросил: – А твой-то князь кто?

– Точно блаженный и головой хворый, – посочувствовал Хорь, – я же тебе ясно сказал – бродник я. У нас князей нет и ханов нет. Мы – люди свободные. Кого выберем – тот и главный.

– Ага. Разбойники вы, кто лихой да бесшабашный – тот и управляет, – заметил Азамат.

Хорь обиженно засопел, пробурчал:

– Кому и разбойники, а кому – вольные да удалые.

Ярилов решил наконец и спросил:

– Извините. Вопрос, наверное, странный, но какой сейчас год?

Хорь хлопнул себя по кожаным штанам и захохотал:

– Я же говорил, что он башкой дырявый!

Азамат, наоборот, невозмутимо ответил:

– Год серой лошади.

Бродник продолжал смеяться:

– Вот, ещё один, головой скорбный! Какой ещё лошади? Год от сотворения мира шесть тысяч семьсот тридцать второй! Ты ещё скажи – год дохлого барана!

– Дохлого не бывает, – спокойно возразил кыпчак, – а барана позапрошлый год был.

Пока они препирались, Дмитрий лихорадочно подсчитывал в уме и перепроверял. По всему выходило, что нынче год – тысяча двести двадцать третий. И это совпадало с рассказом Азамата о походе на Киев мятежного Рюрика Ростиславовича вместе с половцами двадцать лет назад, в 1203 году. Дима не знал, радоваться ли, что он наконец точно определил время, в которое попал, или просто взять и разбить голову об камень. Решив, что камень от него никуда не денется, переменял тему:

– А чего с парнем случилось? Заболел, что ли?

– Это Тугорбека племянник, – объяснил Азамат, – руку себе третьего дня стрелой распорол. Вот, мается. А что, вылечить можешь? Ты камлать умеешь? Шаман?

Дима не ответил, поднялся. Излечение племянника Тугорбека – очень неплохое начало для выполнения плана по вписыванию в это время. Если уж угораздило попасть в начало тринадцатого века – надо не ныть, а играть теми картами, которые тебе сдали.

Подошёл к парню, попросил:

– Дай, посмотрю руку.

Раненый не ответил – продолжал раскачиваться и что-то бормотать.

Сзади запыхтел Хорь, пояснил:

– Да он совсем плохой, лихоманка у него. Жар. Не слышит тебя.

Дима взял обмотанную грязными тряпками руку, осторожно посмотрел. Охнул:

– А откуда грязи столько? Вы чего с ним делали?

– Как чего? – удивился бродник. – Землю приложили. Можно, конечно, и конского навозу было, да Тугорбек не велел. Куренного шамана с нами нет, он дома остался. А мы лечить не обучены.

Дима вспомнил занятия по оказанию первой медицинской помощи и батальонного врача – капитана мед-службы. «Столбняк, тля, это вам не стояк! От столбняка и помереть можно, а стояк перетерпите как-нибудь!»

Дима зачерпнул воды из ведра, осторожно промыл рану. Присвистнул:

– Рана инфицирована, воспаление началось.

Вынул из бокового кармана брюк армейскую аптечку, которую сам дополнил кое-чем. Подцепил ногтем крышку, достал пробирку со стрептоцидом. Щедро засыпал порошком рану, попросил чистую тряпицу, перевязал. Напоил раненого кипятком, уложил спать у костра, накрыв шубой.

Хорь за манипуляциями Димы наблюдал с большим любопытством. Азамат философски заметил:

– Всё в руках Великого неба. Помрёт – значит, судьба у него такая. Кысмет.

А Хорь сказал:

– Я же говорю – странный ты, Дмитрий. Недаром мы тебя у балбала выбрали, там место колдовское, морочное. Три года назад ехали мы с ватаманом Плоскиней мимо этого пригорка за... кхм, скажем так, по делам...

– Да так и скажи, что ехали кого-нибудь пограбить, – вставил Азамат.

Хорь сделал вид, что не услышал, и продолжил рассказ:

– Вот, ехали мимо и выбрали одного. Ещё чуднее тебя, русич. Волосы, как у девки какой, длинные. Рубаха разноцветная, а порты узкие. И такая дрянь на лице – как бычий пузырь, из двух кружков. Сами кружки как бы тёмные, но прозрачные. Вот, тоже как ты, блаженный. Правда, гусли у него были чудные. Заморские, видать. Струн только нету, на суму похожи или на короб небольшой.

– Горазд ты врать, Хорь, – засмеялся Азамат.

– Да вот те крест, – побожился Хорь, – я сам видел. Знатно он на этих гусях играл. И песня такая задорная! Точно про нас, про бродников.

Хорь два раза топнул в стылую землю, хлопнул в ладоши и затянул:

Ви-и-лы, ви-и-лы,
В бок, ё!
Ви-и-лы, ви-и-лы,
В бок, ё!

– И куда делся твой блаженный? – заинтересовался Азамат.

– Да на кой он нам сдался? Тем более гусли сломались быстро, – пожал плечами Хорь. – Встретились нам корсунские купцы, так мы его и продали. Помер уже давно, на серебряных рудниках рабы и полгода не живут.

Ошарашенный Ярилов молчал. Бродник точь-в-точь напел бессмертное «We will rock you».

* * *

Встали перед рассветом. Позавтракали остатками ужина, быстро свернули бивуак, оседлали лошадей.

Хорь задумчиво теребил аркан.

– Тебя ведь не надо связывать, русич? Не сбежишь?

Ярилов потрогал ободранную шею и согласно закивал головой:

– Конечно, друг, зачем веревку? Куда я сбегу – к волкам в степь?

– Да я-то понимаю, – вздохнул Хорь, – но вот что хозяин скажет... А вот и сам идёт! Сейчас спросим.

Неулыбчивый Тугорбек неторопливо шёл к последней телеге. За ним шагали Азамат и ещё пара половцев.

– Ну ты, холоп, – негромко спросил хозяин, поглаживая висящий на поясе кинжал, – ты вчера над моим племянником шаманил?

«Помер пацан, – с ужасом понял Димка, – теперь точно – кирдык. Зарежет».

– Я жду ответа, раб.

Димка встряхнул рыжими вихрами. Помирать, так достойно. Стараясь не дрожать голосом, ответил:

– Да, бек. Я ночью сделал всё, что мог, чтобы твой племянник выздоровел.

Тугорбек подошёл вплотную, взглянул в глаза. Дмитрий не стал отводить взгляд, принял.

Тугорбек хлопнул Ярилова по плечу, рассмеялся:

– Молодец, холоп. Как там тебя? Дмитрий. Мальчику хорошо, лихманка прошла.

Теперь есть попросил. Значит – выживет.

Дмитрий не выдержал – громко выдохнул с облегчением.

Подошёл Азамат, протянул Ярилову берцы:

– Забирай свою ерунду. Не понравились они мне, тяжёлые. Мне бек другие подарил, пусть продлит Великое небо его годы, – и притопнул по земле новеньким щегольским сапогом.

Уходя, Тугорбек сказал Хорю:

– И найди Дмитрию кожух какой-нибудь. А то окочурится в своём дурацком кафтане от холода, а его-то лечить некому. Второго-то шамана у нас нет.

И засмеялся – как ворон закаркал.

Димка не выдержал, улыбнулся во все зубы.

Имя и берцы он себе уже вернул. Значит, и свободу вернуть получится.

* * *

– А Шарукань – это большой город, – объяснял развалившийся в седле Хорь, – хотя и не такой, конечно, как у ваших князей строить принято. Вот туда и едем. Ещё два дня пути, если Бог даст лёгкую дорогу. Всё из-за обоза, конными-то мы бы быстро доехали. А так – медленно.

– А чего едем туда? – лениво спросил Димка и откинулся на мешках с чем-то мягким. Возница разрешил ему ехать на телеге, и только на подъемах приходилось соскакивать и подталкивать чудовищно скрипящую повозку в горку.

– Так к хану едем, к Юрию Кончаковичу. Наш Тугорбек будет на обиды жаловаться и проситься, чтобы в следующий поход обязательно взяли. А то курень-то у нас маленький, бедный. – Хорь горько вздохнул, – коши, то есть кочевые семьи, скотом небогаты, да и тому тесно, пастбищ мало. Вот Тугорбек и будет челом Юрию Кончаковичу бить, чтобы даровал кочевья побольше и у реки. Там трава гуще, заливные луга, бескормицы не будет. Но главное – в походы чтобы брал. Вот где раздолье! И саблей помахать можно всласть, и добычу, опять же, взять.

Димка лёг на бок лицом к собеседнику и подставил ладонь под щеку, чтобы было удобнее разговаривать:

– Хорь, а почему его так зовут – «Юрий»? Это же православное имя.

– Ну да, – согласился бродник, – он же – крещёный. Многие кыпчакские беки и ханы веру православную приняли. Дочек своих за русских князей и бояр выдают. Тут ведь – пограничье. И русичи местные, и кыпчаки – все на обоих языках говорят. Уж и не поймёшь иногда, кто где. Перемешались все – и кровью, и верой, и обычаем.

– Думаешь, хан даст беку, чего тот попросит?

– Должен дать, – убеждённо сказал бродник, – мы ведь не с пустыми руками едем. Вон, сколько телег – и все с подарками. И кожи, и шерсть, и меха. Серебро везём – правда, немного совсем. Я же говорю, курень у Тугорбека не очень богатый. Но главный-то подарок – в передней кибитке. Самое бесценное, что у него есть, бек решил Юрию Кончаковичу подарить...

Димка не успел узнать, что же такое самое дорогое предназначено хану – обоз встал на дневку. Соскочил с телеги, схватил уже привычно топор и деревянное ведро.

Имя-то и обувь ему вернули, а работу за холопа никто не сделает.

* * *

Ярилов тащил два тяжёлых ведра к передней упряжке. Старался поймать ритм, чтобы неуклюжие бадьи не раскачивались, но всё равно – облил ноги ледяной водой. Остановился, громко выматерился.

Но тираду закончить не удалось. Димка заткнулся на полуслове. Войлочный полог кибитки откинулся, и тонкая смуглая рука в гремящих браслетах поманила Ярилова.

Юная красавица рассмеялась, обнажив ровные жемчужные зубки:

– Это на каком языке было сказано? Ни слова не поняла.

Димка почувствовал, как его кровь вспыхнула дурацким румянцем на чумазых щеках.

Девушка продолжала смеяться – будто рассыпала серебряные монетки по каменному полу.

– Ну, что ты молчишь? Или тебе губы носом прищемило?

Легко выбралась из кибитки, соскочила на землю. Чёрные волосы собраны в две тугие косы, кафтан вышит цветами.

Девушка подошла совсем близко, потрогала пальчиком Димкин нос – тот отшатнулся от неожиданности, неловко качнул бадьями, и вода вновь хлынула через края на штаны и берцы.

Незнакомке будто смешинка попала в алые губы – опять засмеялась. Аж ножкой в изящном сапожке притопнула от удовольствия.

– Точно Хорь про тебя говорил, что блаженного найдёныша в степи подобрали. Хотя для младенца ты великоват – вон какой вымахал! Как сказочный батыр Чухор, который для своей любимой золотую пыль с луны собрал. Вёдра-то на землю поставь, балбес. А то тебя водой в речку смоем, ха-ха-ха!

Димка стоял, растерянно глядя на красавицу. После двух дней неприятных неожиданностей, грубых собеседников, неаппетитных запахов и завшивленных шкур её вид поражал, как выстрел в упор. Причём – из гранатомёта.

Продолжая хихикать, девушка обошла вокруг Димы, как дети обходят новогоднюю ёлку, с любопытством разглядывая игрушки. С ангельской непосредственностью потрогала ткань армейских брюк, потеряла клапан бокового кармана. Провела пальчиком по рыжим вихрам.

– Вот какие у тебя волосы! Как огонь. Или как весеннее солнышко. Поэтому у тебя прозвище такое – «Ярило»? Ты же криштен, не стыдно поганое прозвище носить? Ярило – у язычников бог.

Потеряла за рукав:

– Ну, хватит молчать! Ты – блаженный, а не немой!

Димка, наконец, осознал, что вот так стоять пнём – верх идиотизма. Подумаешь, девчонка. Что он – девчонок не видел? И видел, и трогал, и... Неважно. Кашлянул и сказал:

– Моё имя – Дмитрий. А Ярилов – фамилия.

– Как? – не поняла девушка и удивлённо прикусила губку.

«У них же фамилий ещё нет», – вспомнил Димка. И объяснил:

– Ну, это как бы второе имя, родовое.

– А! – сообразила собеседница. – Древнее поэтому, да? Когда вы ещё некрещёными ходили?

Димка неопределённо промычал и кивнул.

– А я всё про вашу веру знаю, – похвасталась девушка, – меня поп учил. Это сейчас меня зовут Юлдуз, а скоро по-другому будут звать, окрестят. А вон батя идёт!

Тугорбек приближался, как всегда, неспешно, как и положено беку. Хмуро что-то сказал Юлдуз по-кыпчакски.

Та надула губки и капризно протянула:

– Ну, ата-а! Мне надоело в кибитке сидеть, уже и ноги затекли. Почему мне нельзя в седле, как всем, ехать?

– Сколько раз тебе говорить, Юлдуз! Тебя не должны видеть чужие люди. Никто ничего не должен знать, пока мы не приедем в Шарукань.

– И кто тут чужой? – спросила девушка. – Твой русский холоп?

– Не о нём речь, – терпеливо сказал Тугорбек, – вдруг кто появится?

– Да откуда, в зимней степи? Ха-ха-ха, – рассмеялась Юлдуз.

Пыхтя, подбежал Хорь. Протянул руку, показывая:

– Бек! Там, на холме, чужой. Воин. Стоит, на нас смотрит. Похоже, засада.

Тугорбек быстро развернулся и пошагал к холму, на ходу говоря Хорю:

– Дурак ты, бродник. Была бы засада – он бы прятался.

Юлдуз скороговоркой шепнула Диме:

– Ладно, потом поболтаем. Спасибо, что двоюродного братишку вылечил.

Поднялась на цыпочки, поцеловала в щёку и мышкой юркнула в кибитку.

Только качнулись витые из золочёной проволоки височные кольца да звякнули браслеты на тонких руках.

Город Согдея. Год 620-й Хиджры,

16-й день месяца мухаррама

Чистым ручьём почтения омывая свои ничтожные мысли, обращаюсь к тебе, мой Учитель, да продлит Всевышний твои годы.

Вновь злой червь волнения просверлил дыру в моей душе, как и три года назад, ибо я почувствовал повреждение ткани времени. Исполнив предписанные ритуалы, я обнаружил проникновение Чужака в кыпчакскую степь возле того самого языческого идола, что и в прошлый раз.

Возблагодарив Пророка (мир ему) и смиренно приняв все предназначенные моему недостойному телу испытания, увидел я, что Чужака зовут именем «Дмитрий», и он, да разорвут его тысячи ифритов, следует сейчас в город кыпчакских ханов Шарукань.

Хваля Пророка (мир ему) за неоценимую помощь, не медля и промежутка времени, проносящегося между ударами сердца, я тут же направил свои стопы на север, следуя предначертанному.

Исполненный праведного гнева, я выполняю свой долг Защитника Времени, найду и убью Чужака, да укусит скорпион его в печень.

Верный тебе, мой Учитель, да обрушится водопадом на тебя вся благодать небес.

Бадр, Защитник Времени.

* * *

Тугорбек шагал неспешно, как и подобает хозяину положения. За его спиной двигались пешие половцы с луками наготове и Дмитрий, сжимающий топор. Хорь и ещё несколько верховых ускакали на фланги, прикрывая товарищей.

Воин на холме стоял, не шелохнувшись. Голову его украшал европейского вида шлем с узкими прорезями для глаз. Когда расстояние сократилось до двадцати шагов, незнакомец движением плеч сбросил черный длинный плащ, и все увидели белую накидку с красным крестом на груди и руки в кольчужных рукавицах, опирающиеся на гарду меча.

«Тамплиер! – удивился Дмитрий. – Откуда здесь?»

Тугорбек крикнул, остановился. Спросил:

– Ты кто такой, чужак?

Потом повторил вопрос по-кыпчакски.

Рыцарь покачал головой и ответил на языке, отдалённо напоминающий французский.

– Чего он бормочет там? – разозлился Тугорбек, – или его стрелой пощекотать, чтобы говорил по-человечески?

Азамат хмыкнул и поднял лук. Дмитрий решил, шагнул вперёд:

– Бек, разреши мне попробовать?

И, мучительно вспоминая слова, спросил на латыни:

– Tu quis es, militem?

Рыцарь удивлённо и радостно ответил:

– О, как необычно в столь диких местах услышать священную латынь! Я – шевалье Анри де ля Тур, скромный брат из Ордена Храма.

– И что же ты делаешь в столь диких местах, рыцарь?

– Исполняю свой долг и следую с поручением великого магистра Пьера де Монтегю в дальнюю землю. Однако местные дикари попытались мне помешать в этом, и теперь я нуждаюсь в вашей помощи, незнакомец.

Димка мысленно поблагодарил дедушку-профессора, который заставлял его ещё мальчишкой зубрить трудный древний язык. Латинские слова стремительно всплывали в памяти, как стайка серебристых рыбок всплывает к поверхности пруда. Дмитрий успевал бойко говорить и переводить сказанное Тугорбеку, поражённому способностями своего раба.

– Я направляюсь в Киев, ко двору гранд-дюка Мстислава, с важной миссией. Срочность заставила меня присоединиться к небольшому каравану персидских купцов, следовавших через Шарукань, ибо неразумно было бы с моей стороны попытаться пересечь степь в одиночку...

Франкский рыцарь рассказал, как караван, в котором были лишь несколько верблюдов, навьюченных грузом драгоценных благовоний, охраняемый полудюжиной аланских наёмников, быстро и без происшествий двигался через кипчакскую степь. И вот, когда до промежуточной цели пути остался лишь один переход, на них внезапно напали кочевники, перебили охрану, а верблюдов с товарами и оставшихся в живых угнали.

Тамплиер в знак доверия давно снял шлем. Чёрные волосы, внушительный нос, строгие синие глаза, дубленая солнцем и ветром красноватая кожа лица.

– Нападение произошло примерно два часа назад. Разбойников было три дюжины и даже более! Правда, теперь их стало меньше. Мне удалось отбиться и бежать, ибо не стыдно воину оставить поле боя значительно превосходящим силам врага, дабы спасти свою жизнь и выполнить поручение магистра. Но конь мой убит, и я смею попросить достославного бека дать мне возможность следовать вместе с вами в Шарукань. А там я надеюсь найти попутчиков для дальнейшего пути в Киев.

– Погоди, – перебил Тугорбек, – говоришь, у купцов был богатый товар?

Франк выслушал перевод вопроса и кивнул:

– О да! Персы везли благовония и индийские специи, а также несколько дамасских мечей.

– Покажи нам место боя, – потребовал половец.

Рыцарь повернулся и пошагал в сторону реки.

Убитых было больше десятка: охранники – аланы, несколько караванщиков, четыре кыпчака, из которых трое пали от меча тамплиера. Разбойники ограбили трупы, не различая своих и чужих, и теперь тела скорчились на мёрзлой земле, одинаково полуголые и изуродованные – что нападавшие, что их жертвы...

Тёмным бугром лежал мёртвый верблюд. Из разорванного тюка высыпались какие-то флаконы и коробочки. Дмитрий взял несколько, повертел в пальцах. Понюхал и спрятал в карман.

Тугорбек крикнул Хорю:

– Посмотри следы!

Бродник кивнул и пустил коня шагом, свешиваясь с седла и внимательно разглядывая отпечатки копыт.

Бек Чатыйского куреня подошёл к одному из тел, вытащил кинжал и вырезал застрявшую в спине убитого стрелу (Дмитрий с трудом подавил желание отвернуться).

Осмотрел наконечник, пачкая кровью пальцы. Подошёл к следующему мертвецу, пинком перевернул, взгляделся в лицо. Прошипел злобно:

– Это – верная собака Калояна! Его грязные дела. Трусливый шакал, чтобы он жрал собственные внутренности, вывалянные в дерьме.

Половцы разом заговорили, осуждающе покачивая головами. Азамат вполголоса объяснил непонимающему Дмитрию, что Калоян – позор кыпчаков, бывший бек, которого за многочисленные грязные дела изгнали из собственного куреня.

– Набрал себе таких же, как он, разбойников без чести и совести. Нападают на всех, кто слабее, законов не соблюдают. Вон, даже своих воинов, погибших в бою, раздели и бросили, вместо того чтобы устроить погребение. Паршивый пёс, надругавшийся над собственной матерью!

Азамат с отвращением сплюнул.

Послышался топот копыт – вернулся из разведки Хорь. Объяснил:

– Далеко не ушли. Верблюды нагружены, и пешие пленники с ними. Идут на закат. Вер-
хами за полчаса догоним.

Тугорбек ощерил зубы в злобной улыбке:

– Франк сказал, что богатый караван был? Это хорошо. Догоним, хабар отберём и Кало-
яна накажем. Славное будет дело.

Рыцарь спросил:

– Могу ли я вместе с вами участвовать в этом бою, достопочтимый бек? Ведь разбойни-
ков втрое больше, чем вас, и мой меч не будет лишним.

– Ха, каждый мой батыр стоит троих шакалов Калояна! – гордо заявил бек. – Мы легко
расправимся с ними. Но и ты пригодишься, франк. Идём к нашему обозу, возьмём лошадей.

– Прошу лишь мгновения. Я попрошаюсь с другом.

Тамплиер отошёл. Опустился на колени перед телом гнедого жеребца, утыканного стре-
лами. Склонился к мёртвому, что-то шептал, перебирая пальцами гриву...

Половцы терпеливо ждали.

Каждый когда-то терял любимого коня...

* * *

Собрались быстро. Подменных коней не брали – погоня не будет долгой. Дмитрий, сжи-
мая свой неуклюжий топор, попросил бека:

– Мне можно с вами?

Возбуждённый предстоящей схваткой бек рассмеялся:

– Ишь ты, какой у меня славный раб! Тоже хочет быть батыром. Молодец, Димитрий!
Но у тебя будет другое важное дело. Останешься с Азаматом и возницами, поставите телеги
табором. Вероятность нападения не велика, но мало ли. Будешь охранять самое ценное, что
у меня есть – мою дочь Юлдуз.

Тугорбек хлопнул Ярилова по плечу, вскочил в седло, пронзительно свистнул. Гикая и
нахлёстывая лошадей, отряд рванул с места налётом и быстро скрылся за холмом.

Шесть телег поставили кругом. Быков выпрягли и спрятали внутри. Азамат велел разжи-
гать костёр и готовить еду – воины вернутся из боя уставшими и голодными.

Дмитрий улучил момент, подошёл к кибитке. Потеребил войлок, позвал:

– Юлдуз!

Полог откинулся, блеснули черешневые глаза.

– А, это ты, найдёныш?

Ярилов протянул девушке найденные рядом с убитым верблюдом флакончики:

– Посмотри. Я думаю, тебе понравится.

– Забирайся сюда.

Дима не стал отказываться – забрался на телегу, проник внутрь кибитки. И сразу почув-
ствовал неловкость: в палатке было слишком тесно, приходилось касаться горячего бедра
Юлдуз. И вообще, девушка находилась слишком близко. Так близко, что сердце вдруг ускори-
лось, зачастило.

– Ух ты! – Юлдуз взяла флакон и засмеялась, счастливая. – Это же душистое масло!
И притирания. Откуда ты их взял в степи, найдёныш? Может, ты волшебник? Они же очень
дорогие, стоят уйму серебра!

Порозовевшая от удовольствия Юлдуз спешно открывала бутылочки и коробочки. Обна-
жила руку до локтя, втирала в кожу, разглядывала. Глаза её горели, губки приоткрылись...

Димка наклонился вперёд и неловко клюнул девушку в щёку. Дочь бека удивлённо под-
няла глаза.

«Блин, зря я», – подумал Димка.

Юлдуз рассмеялась:

– Ишь ты, какой ловкий! А ещё успешно притворяется блаженным. Но, пожалуй, один поцелуй ты заслужил.

Девушка прижалась острыми грудками, обтянутыми шелком рубахи, жарко поцеловала в губы. И тут же отстранилась, начала выпихивать Диму кулачками:

– Давай иди, делом займись. Хватит с тебя пока сладкого.

Слегка подтаявший Димка начал наугад шупать стенку, ища край полога, когда снаружи раздались крики, топот копыт. Через мгновение на ладонь от макушки Ярилова тонкий войлок пробила стрела и закачалась, будто нащупывая жалом жертву. Юлдуз взвизгнула.

Димка выбрался наружу и замер: метрах в ста от табора гарцевали всадники, человек десять-двенадцать, и что-то гортанно кричали. Азамат стоял на телеге, размахивал саблей и зло орал в ответ. Возле него толпились, прячась за телегой, возницы – кто с топором, кто с луком.

Азамат прыгнул внутрь импровизированной крепости на колёсах, увидел Димку. Неожиданно улыбнулся и подмигнул:

– Видал, как мы вляпались? Сейчас горячо будет. Вниз слезай, подстрелят.

И, словно эти слова были командой, чужаки начали стрелять из луков. Стрелы сыпались градом, втыкались в землю и в телеги. Глухо замычал раненый бык. Ещё одна стрела оцарапала ногу возницы.

Димка вытащил наружу Юлдуз, уложил под телегой:

– Не высовывайся, принцесса.

– Кто? – удивилась девушка.

Димка не ответил, подхватил с земли топор. Сгибаясь, как учили на занятиях по тактике, подбежал к Азамату. Спросил:

– Это кто такие?

– Часть калояновских. Пока наши за их беком и добычей гоняются, эти вернулись. Говорили – вас не тронем, только хабар свой заберём, какие-то тюки с убитого верблюда снять забыли. Да только я их, это, обругал. Крепко. Теперь не уйдут, обиделись, – рассмеялся Азамат.

– Может, зря? Наши-то не скоро вернутся. Забирали бы своего дохлого верблюда и валили на все четыре стороны, – сказал Ярилов.

– Вот уж нет, – оскалился половец, – с этой падалью нельзя договариваться. Только – убивать! Они постреляют немного да уедут, не полезут на табор.

Однако разбойники, видимо, решили, что легко справятся с потенциальными жертвами. А может, поняли, что воин полноценный у обороняющихся всего один – Азамат. Возницы явно боялись, жались к телегам. Луков у них было всего два, и стреляли они неумело.

Зато Азамат наслаждался происходящим: скалил зубы, раздувал ноздри и ловко пускал одну стрелу за другой. Налётчики, гарцуя, отвечали градом выстрелов и постепенно приближались к табору.

Азамат обернулся и прошипел что-то одному из возниц. Диме показалось, что прозвучало слово «самострел». Пожилой возница кивнул, потрусил к своей телеге. Батыр, выпучив глаза, рявкнул на Ярилова:

– Что стоишь?! Помоги ему.

Дима побежал за кучером, соображая – в чём же придётся помогать.

Возница сбросил на землю мешки с товаром – и, действительно, освободил большой самострел, установленный на телеге. Димка даже присвистнул от удивления – не ожидал, что у степняков есть на вооружении самоходные установки.

Пожилой вскарабкался на телегу, надавил плечом на хвостовик, развернул оружие в сторону вопящих проклятия разбойников. Обернулся к Диме, отчаянно крикнул:

– Помогай, русич.

Ярилов подскочил, схватил обеими руками сплетенную из жил толстенную тетиву, потянул, откинувшись назад всем телом. Плечи самострела со скрипом подались, согнулись, тетива легла на зацеп. Возница вытащил со дна телеги длинный тяжелый болт, уложил в желоб. Кряхтя, приподнял хвостовик – и молча упал назад, на Диму.

Ярилов сначала не понял, в чём дело – пока не увидел, что горло пожилому пробила стрела.

Налётчики завизжали, некоторые выхватили сабли. До них оставалось уже метров семьдесят, не больше.

Азамат что-то вопил, продолжая стрелять из лука. Один из кучеров скулил, пытаясь вытащить застрявший в животе оперенный черенок.

Димка выдохнул. Сел на телеге, вытянул вперёд ноги, упёрся в борт. Обхватил ложе самострела, прижался щекой. Блин, как эта мандула работает?

Прицелился в центр силуэта гарцующего степняка. Подумал, взял чуток выше. Нашупал под ложем спусковой рычаг, нажал.

Шш-у-ух! – болт скользнул по желобу, унёсся к цели. Хлопнула освобождённая тетива.

Конь под разбойником с хрипом начал валиться на землю.

Димка довольно хмыкнул, снова обхватил пальцами толстую тетиву и откинулся назад, заряжая.

Из записей штабс-капитана Ярилова А. К.

г. Берлин, 22 февраля 1924 года

...и, таким образом, удастся избавиться от навязчивых видений и ночных кошмаров. Написав о том, что мучает мою память, что не даёт покоя. Герр Думкопф – добропорядочный немецкий доктор. Фамилия отлично ему подходит – разве лучше назовёшь специалиста по болезням головы? Он, несомненно, переживает за пациентов. В соответствии с объявленным прейскурантом.

Из вежливости я не стал спорить. Если уж нет у этого эскулапа волшебных пилюль и порошков – что же, буду развлекаться литературными экзерсисами. Помнится, в последний раз мне приходилось заниматься подобным в шестом классе гимназии. И стихи были посвящены бесподобной Леночке Гольц, дочери губернского предводителя дворянства. Что-то такое, слюняво-романтическое вышло. «И пояс лентой голубой твой нежно обнимает стан» или нечто подобное. Господин Блок повесился бы на фонарном столбе, неподалёку от аптеки.

Разве бывают пилюли от памяти? Только спирт, господа.

Галицийские окопы в пятнадцатом, и это странное чувство, когда первым встаёшь над бруствером и идёшь к австрийским позициям, а пулемёты надрываются, тарахтя свою кровавую строчку. Как швейные машинки Зингера – шьют, шьют бесконечный саван. Огромный – чтобы положить под него всех.

В первые мгновения ты совершенно один и слышишь только, как бухает в виски сердце. Видишь спину свесившегося через колючую проволоку сапёра и понимаешь – не успел, родимый, перерезать. Рота застрянет на заграждениях, на голом, как бедро проститутки, изрытом сифилитическими язвами воронок поле. И так же, как дешёвая шлюха от вида крупной купюры, безоговорочно ляжет под пулями из кипящих паром кожухов австрийских «Шварц-лозе».

Вдруг охватывает ужас – что рота не пойдёт за тобой. Не сможет оторваться от земли, бросить себя навстречу аду. Но вот звякает железо, хриплое дыхание и тихий мате-рок – и я чувствую затылком, как мои солдаты поднимаются следом. Отталкиваются от чернозёма разбитыми сапогами, перекашивают растрескавшиеся рты:

– Ы!-ы-ра!

Это – можно забыть? Буро-синие кишки, висящие на колючей проволоке, словно гирлянды на рождественском дереве? Худющего студента-вольноопределяющегося с торчащим между лопаток окровавленным жалом длинного австрийского штыка, пропоровшего насквозь? Вопли и хруст рукопашной?

Держайте, герр Думкопф. Ваши новейшие методы лечения нервных болезней нуждаются в проверке. На утончённых европейцев они, возможно, и действуют. А вот как на русского иммигранта, воевавшего шесть лет подряд? С короткими перерывами на горячку госпиталей?

Тогда, в январе шестнадцатого, я уже был «выздоровливающим». И впервые оказался в том странном обществе, ища возможности отвлечься. Сначала показалось – обычные оккультисты, каковых тогда развелось в Петрограде больше, чем тифозных вшей в лагере для военнопленных. Помню, как был поражён, встретив среди «мартинистов» православного иеромонаха.

Это были не мартинисты и не масоны. Удивительные люди, решившие, что избавить от кровавого будущего Россию можно только одним способом – исправив её кровавое прошлое.

И тогда я впервые увидел на древнем пергаменте этот рисунок солнечный диск, на фоне которого змея изготовилась к атаке...

* * *

– Вовремя вы вернулись. А то русич всех бы перебил, никого не пощадил.

Азамат хохотал, скаля жёлтые резцы. Ярилов тоже смеялся, чувствуя, как отпускает, уходит нервная дрожь, охватившая после боя.

Тугорбек появился, когда колчан Азамата уже опустел, и половец стоял на телеге, сжимая саблю и крича калояновским что-то чудовищно обидное. А у Дмитрия оставался последний болт для самострела. Внезапное появление подмоги заставило разбойников немедленно ретироваться, бросив пятерых убитых, и ещё несколько раненых с трудом держались в сёдлах, основательно продырявленные стрелами Азамата.

Бек усмехнулся:

– А я-то удивился: где те тридцать человек, про которых франк говорил? Подумал уже, что он со страху вдвое обсчитался. Не наврал, значит – остальные сюда вернулись. Этого не надо переводить, Димитрий, обидится ещё.

– Как там было? – спросил Азамат.

– Далеко не так весело. Не то что у вас тут, – ответил бек, – нас увидели – бросили добычу и сбежали. Хорь одного стрелой достал, остальные порскнули, как цыплята от сокола. И Калоян – впереди всех. Жаль, опять этот шакал избежал встречи со мной.

Рассёдлывали коней, шумно обсуждая подробности схватки. Половцы подходили к Дмитрию, хлопали по плечу, хвалили. Когда Азамат позвал всех к костру на ужин, Ярилов взял ведро и пошёл было к реке, но его внезапно остановил один из возниц:

– Иди к огню, бек зовёт. Я воды натаскаю.

Воины сидели вокруг костра. Дмитрия встретили восторженным рёвом, бек протянул чашу с кумысом:

– Выпей, русич. Молодец, ты был храбрым в бою. Если, конечно, Азамат не приврал. Хотя он же не Хорь. Это бродник у нас – ботало знаменитое.

Дмитрий догадался, что произошло нечто важное: в степной иерархии он переместился с места прислуги куда-то гораздо выше. Ближе к воинам. Выпил кисловатый напиток, чем-то напоминающий квас. Сел рядом с Хорем и только тогда почувствовал, как в слегка закружилась голова. Градусов в этом кумысе, как крепком пиве, не больше. Принял из рук Азамата чашку с кулешом, начал жадно есть – понял, что страшно проголодался.

Два персидских купца, спасённые из калояновского плена, сидели на почётном месте возле бека. Они уже отошли от шока, умылись и поменяли разодранные халаты на новую одежду из возвращённых им тюков. Старший о чём-то горячо заспорил с беком, то складывая руки на груди, то вздымая их к небу. Крутил крашенной хной бородой, закатывал глаза и тряс головой.

– Чего это он? – поинтересовался Дмитрий.

– А, за долю спорит, – объяснил Хорь, – бек за спасение половину товара хочет забрать, а он треть предлагает. Торгуется, сучье вымя.

Тугорбек, наконец, разозлился, вскочил на ноги:

– Слушай меня, перс. Если бы не мои храбрые батыры, ты бы через неделю стоял на невольничьем рынке с цепью на шее! Если бы не сдох до этого в степи во время перехода. Мы рисковали жизнью, чтобы спасти тебя и твои вонючие мешки с товаром. Я, бек Чатыйского куреня, говорю моё последнее слово: я забираю себе булатные клинки, половину остального товара и половину серебра. А если тебе что-то не нравится – можешь прямо сейчас уходить от нас, спасших и приютивших тебя. Вон, волкам в степи пожалуйся. Или Калояну – думаю, итог будет одинаковый.

Азамат одобрительно ухмыльнулся и как бы невзначай вытащил из ножен саблю и начал её рассматривать в свете костра.

Перс испугался, упал перед беком на колени, начал кланяться и благодарить.

– Ватаман Плоския всё бы у них забрал, кроме одежды, – заметил Хорь, – а бек у нас добрый. Особенно сегодня.

Тугорбек поднялся, раздувая ноздри. Оттолкнул перса. Сказал половцам:

– Пируйте, мои батыры. Сегодня можно, сегодня был славный день.

И пошагал к своей кибитке. Димка подскочил, догнал хозяина. Согнулся в поклоне:

– Бек, дозвожь спросить.

– Чего тебе, Димитрий?

– Что должен совершить раб, чтобы мудрый и справедливый хозяин отпустил его на волю?

Тугорбек внимательно посмотрел на Ярилова. Хмыкнул:

– Да, такое бывает, что за долгую и верную службу раба признают свободным. Правда, он всё равно обычно остаётся у бека, но уже как преданный вольный слуга. А бывает – и как воин. Случается и такое, что бывший раб получает в награду коней, баранов. Становится главой коша и вольно кочует в степи. Ты на правильной дороге, Димитрий, и сегодня сделал большой шаг к своей свободе.

– Бек, я знаю, что ты едешь в Шарукань, чтобы попросить милости у хана Юрия Кончаковича. Ты везёшь ему богатые подарки, которые теперь, наверное, ещё увеличатся – после того, как сегодня ты стал владельцем половины товаров персидских купцов. И хочешь отдать ему в жёны свою любимую дочь Юлдуз.

– Всё так, – согласился Тугорбек, – ты умён, мой раб.

От слова «раб» Дмитрий скривился, но продолжил:

– Если я открою важные сведения, которые очень тебе помогут – могу ли я надеяться на свободу?

– Говори, раб. Что ты узнал, что?! – бек вспыхнул, схватил Диму за грудки.

Ярилов молчал.

Бек опустил руки, отступил на шаг. Сказал уже спокойнее:

– Говори. И не требуй от меня никаких обещаний, раб. Не забывайся. Или ты хочешь, чтобы я велел пытать тебя огнём? Дело холопа – служить хозяину. А моё дело – оценивать службу и решать твою судьбу. Ты уже убедился, что я – справедливый и щедрый к тем, кто этого заслуживает.

Дмитрий понял, что обратной дороги нет. Вздыхнул и сказал:

– Тебе не удастся умиловить Юрия Кончаковича подарками и получить его благорасположение, бек.

Тугорбек раздул ноздри, схватился за плетень. Но вынимать её из-за пояса не стал, сдержался. Спросил:

– Почему?

– Хан Юрий Кончакович не вернулся из похода. Он убит, бек. В бою с новыми племенами, пришедшими с востока – с монголами. Теперь в кыпчакской степи всем заправляет хан Котян. Уверен, что и твой курень ныне отошёл к нему.

Тугорбек помолчал. Покачал головой, тихо сказал:

– Я не наивный дурак, чтобы поверить тебе сейчас. Но и ты, видимо, не самоубийца. Ведь завтра, если Тенгри будет к нам благосклонен, мы доберёмся до Шарукани, и если твои слова окажутся враньём, я жестоко накажу тебя. Но мне думается, что ты совсем не простой холоп, Димитрий. Иди к воинам, ты заслужил пир. И скажи Хорю, чтобы утром дал тебе коня из подменных. Не достойно воина, даже если он пока раб, ехать на телеге подобно старой бабе.

Димка поблагодарил бека и пошёл к костру. Он очень надеялся, что всё правильно помнил из лекций преподавателя истории. Тему домонгольской Руси студентам читали как раз перед сессией, которую Ярилов завалил в хлам и отправился в армию, и лекции были ещё относительно свежи в памяти.

Впервые в жизни незнание предмета могло быть наказано не «хвостом» и пересдачей, а плетьюми.

И даже смертью.

* * *

Ночь в зимней степи длится долго. Ещё и середину своего пути не прошла луна, ещё не допит второй бурдюк кумыса. Половцы по очереди рассказывали байки про бои и походы и старинные легенды, пели песни – то длинные и заунывные, как путь через степь, то задорные, как пляски с девушками. Потом, не шелохнувшись, слушали Димкин перевод рассказа франка Анри де ля Тура об удивительном братстве рыцарей-тамплиеров, отказавшихся от прелестей мирской жизни ради служения Спасителю. О жестоких боях с сельджуками в составе войск царьградского кесаря и о невиданной забаве – рыцарских турнирах...

Наконец, тамплиер устал рассказывать, а Ярилов – переводить. Половцы снова завели песню о батыре Чухоре, который раскрутил аркан – да и поймал в него луну и подтащил к земле, чтобы собрать с неё золотую пыльцу и подарить любимой... Огромное ночное светило будто замерло, слушая и соглашаясь: «Да, было дело».

Дима поднялся и пошёл к своей телеге – усталость этого длинного дня вдруг навалилась, делая веки свинцовыми.

– Димитрий!

Девичий голос прозвенел настолько неожиданно, что Ярилов сначала подумал, что показалось. Звякнули браслеты, Юлдуз появилась из темноты, встала совсем рядом – так близко, что Дима почувствовал тепло её тела.

– Что тебе, принцесса?

То ли выпитый кумыс, то ли вот эта сумасшедшая, невозможная близость ударила в голову, и Димка облапил девушку, притянул к себе, ища губами губы.

Юлдуз не оттолкнула – наоборот, потянулась навстречу, приподнимаясь на цыпочках.

Когда устали целоваться, степная принцесса, переводя дыхание, сказала:

– Ты сделаешь то, что я попрошу, русич?

– Конечно, моя девочка.

– И ты не будешь смеяться надо мной и позорить?

– Что ты хочешь, лапушка?

Юлдуз отстранилась, зажмурила глаза, прикусила губку. Было видно: то, что она хочет произнести, страшно для неё и тяжело. Дима снова обнял её, на этот раз бережно, прижал к себе. Сказал:

– Не бойся ничего, принцесса. Я никогда не обижу тебя.

– Правда-правда?

Юлдуз то ли вздохнула, то ли всхлипнула. Медленно заговорила:

– Отец везёт меня в Шарукань, чтобы там крестить в христианскую веру и отдать в жёны Юрию Кончаковичу. Он – мудрый хан и великий воин. Но он давно старик. И наше супружеское ложе будет оставаться холодным... Меня поп учил: нельзя изменять мужу, с которым тебя обвенчали, ибо прелюбодеяние – страшный грех, и за него одно наказание – вечные адские муки.

Дима не понимал, к чему эти откровения, но слушал и не перебивал.

– Вот. Я ещё не познала мужчину и не хочу остаться такой навсегда. Прошу тебя, найдёныш: будь моим первым мужчиной.

Дима замер, переваривая сказанное. Глупо спросил:

– А почему я, Юлдуз?

У дочери Тугорбека, видимо, давно был заготовлен ответ:

– Во-первых, никого из воинов об этом не попросишь, они боятся отца. Во-вторых, ты красивый. Ты – рыжий, и если я вдруг понесу от тебя, то хочу, чтобы моего ребёнка тоже любило солнце, как и тебя.

Ярилов нагнулся и поцеловал Юлдуз.

– Ты согласен, русич?

– Да.

– Тогда мы сейчас пойдём в мою кибитку. Я только прошу тебя: будет ласков со мной. Если честно, мне очень страшно.

Димка кивнул.

Он не стал рассказывать Юлдуз правду: что её будущего мужа уже нет в живых.

Кто осудит его за это?

Глава третья. Шарукань

Ещё один подъем степной дороги – и перед караваном открылся вид на степную столицу кыпчаков.

Димка ещё не очень хорошо освоился в седле, поэтому отстал от товарищей, елозя уставшими от непривычки ягодицами. Хорь по его просьбе выделил самого спокойного мерина. Ярилов дал коню имя «Харлей» и постарался с ним подружиться. Харлей отнёсся к новому хозяину добродушно, с удовольствием съел с Димкиной ладони кусок лепёшки и спокойно выполнял все команды. Пока приходилось ехать шагом рядом с телегами, всё было нормально. Как только показался город, уставшие от однообразия степного пути половцы радостно перешли на рысь и усаkali в голову каравана. Димка отстал, пытаясь разобраться, где у Харлея включается вторая передача. Мерин прядал ушами, но не реагировал на Димины причмокивания и жалостливые просьбы «прибавь, дружок», продолжая неспешно тюхать возле телеги. Наконец, Ярилов решился и ударил коня пятками по бокам, что оказалось верным решением.

Харлей вылетел на вершину невысокого холма и послушно остановился, когда Дима натянул поводья. Ярилов оглядел Шарукань и удивлённо присвистнул.

Половецкая столица совершенно не походила на средневековый город с яркой иллюстрации из учебника. Никаких крепостных стен на высоком валу и защитных башен, каменных дворцов знати и сияющих позолоченными куполами храмов. Не было даже ворот.

Дима видел перед собой огромный лагерь кочевников из разнокалиберных шатров, палаток и кибиток, неряшливо разбросанных по берегу Донца. На окраине чернели стада скота, по степи шныряли всадники – поодиночке и небольшими группками.

Ближе к городу воздух терял снежную свежесть, становился всё более насыщенным запахами навоза и гниющей требухи, горького кизячного дыма и прокисшего молока. Половцы подтянулись, подбоченились, выстроились в определённом порядке – каждый обыватель должен был видеть, что в город прибывает славный бек Чатыйского куреня, гордый Тугорбек со своими батырами.

После долгого пребывания в пустой степи Дмитрий с жадным интересом изучал кипящую жизнь огромного аула, по ошибке названного городом. Вот хозяйки хлопчут у кипящих котлов с бараниной и просом, подбрасывая в огонь куски кизяка. Здесь неровно сложенная из камней с замазанной глиной щелями низенькая кузница – дым столбом, звон молота. Закопчённый кузнец вышел на улицу продышаться от чада, в прожжённом во многих местах кожаном фартуке на могучем потном теле. Стаи лохматых собак и стайки чумазных детишек с одинаковым азартом бежали за обозом; только собаки лаяли и норовили ухватить запряжённых в телеги быков за ноги, а мальчишки орали что-то неприличное, хохотали и кидались в повозки кусками смёрзшейся земли. Наконец, обнаружилась свободная площадка, и бек приказал разбивать лагерь и варить ужин, а сам, взяв Азамата и ещё пару воинов, а также одного навьюченного верблюда, отправился в город. Персидские купцы вежливо распрощались, забрали свои существенно оскудевшие запасы товара и тоже двинулись в центр этого хаоса – там располагались рынки и даже, кажется, караван-сарай для приезжих иноземцев.

Франкский рыцарь, выкупивший своего нового коня у бека за звонкую монету, тоже собирался уезжать, но Хорь остановил:

– Ярило, скажи ему, чтобы не торопился. Сейчас тут закончим и вместе в город пойдём. Я тут бывал, знаю, где витязю себя после долгого похода потешить можно. И выпить не кумыса этого прокисшего, а настоящего заморского вина.

Хитро подмигнул и рассмеялся.

Тамплиер, услышав про вино, аж порозовел от предвкушения.

– Добрый друг Димитрий! Ты даже не представляешь, как я соскучился по бургундскому. Последний год по поручению великого магистра я провёл в странствиях по землям, населённым магометанами. А там, как известно, употребление виноградного вина считается страшным грехом. Половецкий кумыс, конечно же, после года воздержания показался мне божественным нектаром, амброзией. Но, согласись, что перебродившее кобылье молоко не может сравниться с соком ласковой земли, с кровью виноградной лозы, жадно пьющей солнце на склонах моей прелестной Бургундии!

Хорь приоделся перед прогулкой в город – надел чистый кожух, поменял разбитые походные сапоги на парадные, из красного сафьяна. Критически оглядел рыцаря и остался довольным. Потом посмотрел на Диму и задумчиво сказал:

– Не пристало тебе идти, словно холопу, безоружным. Есть у меня лишняя сабля. Старенькая, правда, но сойдёт.

Сабля и вправду оказалась не драгоценным булатом: клинок изъеден ржавчиной, потёртые кожаные ножны, обломанный набалдашник крестовины.

– Зато – настоящий сельджукский кылыч, – объяснил Хорь, – я его с боем брал, когда мы с Плоскиней по Корсунской земле гуляли. Эх, были времена!

Хорь вспомнил о чём-то своём, погрустнел. Пока обустраивали лагерь, больше не произнёс ни слова.

Когда Дима помогал ставить кибитку для Юлдуз, девушка отозвала его в сторону. Едва коснулась тонкими пальцами рукава, заглянула в глаза, прошептала:

– Ты ни разу не заговорил со мной и не взглянул на меня, мой солнечный. Я разочаровала тебя своей доступностью, да? Отвечай, не молчи.

Дмитрий улыбнулся:

– Ну что ты, лапушка! Я стараюсь близко не подходить, чтобы между нами искра не проскочила. А то и молния, которую все увидят. Я же не могу тебя подвести, когда столько глаз кругом. Я люблю тебя, родная.

Девушка облегчённо вздохнула, засветилась:

– А я так напугалась! Дим, вы когда будете в городе – купи мне чего-нибудь сладенького. Тут, наверное, даже мёд есть у купцов. Я однажды пробовала, когда была маленькая. Вкус не помню. Помню только, что это было ни с чем несравнимо!

Дима кивнул и отошёл, чтобы не вызывать подозрения у суесящихся неподалёку возниц, таскающих с телег поклажу.

Бедные девчонки тринадцатого века! Ни сахара ещё нет, ни шоколада.

И как только они живут?

* * *

Бродник, рыцарь-тамплиер и бывший питерский студент ехали шагом, неторопливо, чтобы все успели разглядеть красавцев. Там, где ширина улицы позволяла – рядом, стремя к стремени.

Хорь встретил кого-то из старых знакомцев и теперь делился свежими новостями:

– А я-то думаю, откуда столько народу в Шарукани зимой? Здесь ведь большую часть года мало кто живёт, все на пастбищах. Или хан охоту устроит, или поход. Вот осенью – тогда да, со всей степи курени собираются. И купцы приезжают из разных стран: из русских княжеств, из Корсуни, персы и арабы, и болгары с Волги, и земляки нашего Анри – много народу! Кыпчаки коней продают, другой скот, шкуры, жир, драгоценную желчь сайгаков. Тут же состязания батыров: из луков стреляют в цель, борьбой балуются. Хвалятся резвостью коней. И на саблях бьются. Слышишь, Анри? Так что не одни ваши латники любят силушкой меряться на этих, как ты говорил, турнирах. Тут же договариваются о свадьбах, а беки собираются на курултай,

вопросы важные решают: на кого походом идти, как пастбища делить, а то и хана выбирают, если прежний помер.

Внимательно слушавший Дима спросил:

– Ну, это понятно. Так сейчас откуда столько народу?

Бродник вздохнул:

– Беженцев много. Задонские кыпчаки с семьями, со стадами бежали сюда после того, как проиграли великую битву. А дело было так...

* * *

Бек Аяпа – самый старый из всех. Высушенный годами и степными ветрами, седой. Вражескими саблями рубленный, стрелами раненный, когтями степного пардуса-леопарда рваный. На коня уже сам залезть не может – слуги помогают.

Зато умён Аяпа и опытен. Кыпчаки его за это уважают, да и сами ханы не брезгают выслушать совета. А сейчас в Шарукани, в просторном шатре Аяпы, собрались беки, приехавшие со всех концов Дешт-и-Кыпчак, половецкой степи. Уже выпита пущенная по кругу первая чаша кумыса, сделанная из черепа забытого русского князя. Опустошены блюда с варёной бараниной. Настало время серьёзных разговоров, и степные бароны внимали рассказу пришельца из задонских просторов о страшной битве с неведомыми врагами. Гость умел рассказывать образно, и беки внимательно слушали историю о том, как на могучее государство хорезмшаха Мухаммеда напали монгольские полчища с востока. Сожгли богатые города Отрар, Бухару и Самарканд, с лёгкостью разгромили войска хорезмшаха, в которых было немало земляков-половцев, прельстившихся на почётную и хорошо оплачиваемую службу в среднеазиатских землях. Как монголы преследовали бросившегося в бегство хорезмшаха, в этой погоне обогнули Хвалынское море с юга. Потом прошли с огнём и мечом по Закавказью, прорвались через Железные ворота – Дербент и оказались совсем близко, в прикавказских степях.

Кыпчакские ханы Юрий Кончакович, Данила Кобякович и Котян Сутоевич собрали свои отряды и отправились за Дон, чтобы проучить непрошенных гостей и помочь аланам. Но враги оказались необычайно сильны! В тяжёлой битве был убит мудрый и храбрый Юрий Кончакович, погиб Данила Кобякович. А Котян покинул поле боя вместе со своими приближёнными, бросив погибать остальных половцев. Вслед за трусливым ханом в ужасе устремились на запад и населявшие Задонье кыпчакские курени, успев взять с собой лишь малую часть имущества и скотины.

Теперь эти беженцы поселились на окраинах Шарукани и жаждут вернуться в родные земли, отнять их у захватчиков. Но для этого надо собрать большое и сильное войско, а хватит ли у Котяна духу на такой поход – одному Тенгри известно.

Уставший рассказчик жадно припал к чашке с кумысом. Беки молча переживали рассказанное, представляя в воображении горящие города, толпы зверски скрученных пленных, брошенные на растерзание диким зверям тела земляков, павших в страшной битве... Страх за судьбу своих куреней и сомнение в успехе предстоящего похода поселился не в одном сердце.

Один из беков, известный своей преданностью Котяну, попытался успокоить степных баронов:

– Котян Сутоевич не труслив, а мудр. Никто не выходит на охоту с женским веретеном, а берёт лук и копьё. Какой смысл бросаться на этих монголов, если сила их велика? Надо собрать ещё большую силу и заручиться союзом с русичами. Для этого хан поехал в Галич к мужу своей дочери, славному князю Мстиславу Удатному. От хана уже прискакал вестник: завтра Котян возвращается в Шарукань с хорошими новостями.

Беки облегчённо вздохнули, радостно зашумели: все знали о военной доблести и храбрости Мстислава, лучшего полководца Руси. С ним никакая монгольская орда не страшна.

Один лишь Тугорбек не участвовал в разговоре – сидел, задумчиво теребя редкие чёрные усы. Вчерашний рассказ холопа Дмитрия оказался не выдумкой. Раб действительно знал правду и предупредил своего бека о гибели Юрия Кончаковича в битве. Непонятно только, что теперь делать и кого просить о защите маленького Чатыйского куреня.

Когда беки начали разъезжаться по своим стоянкам, Аяпа попросил Тугорбека задержаться.

– Слышал я, что ты собирался принести дары хану Юрию и породниться с ним, Тугорбек. И что же теперь думаешь делать?

– Не знаю, Аяпа, – озадаченный Тугорбек продолжал крутить жидкие усы, – теперь уже ничего не знаю. Остаётся только идти к Котяну. Но ведь все знают, что он хитёр и коварен, как степная гадюка. И делает только то, что выгодно ему. Да и до этого ли сейчас? Когда неведомый враг совсем близко, и надо думать о защите своих родных.

– Самые великие свершения и благоприятные изменения происходят именно в эпоху перемен, – наставительно сказал Аяпа, – и мудр тот, кто может этим воспользоваться. После смерти Юрия Кончаковича место главы восточных земель теперь свободно, и надо собирать курултай для выборов нового хана. Почему бы тебе не сменить имя Тугорбек на имя Тугоркан?

До бека Чатыйского куреня не сразу дошло сказанное. Поражённый, он переспросил:

– Тугоркан?! Аяпа, ты всерьёз считаешь, что я могу стать новым ханом вместо Юрия Кончаковича и сравняться по власти с Котяном?

– Тот, кто мечтает о малом, малым и довольствуется. И только тот, кто стремится украсть солнце, может рассчитывать хотя бы на луну, – мудро заметил Аяпа, – почему бы и нет? Ты не юн и не стар, ты храбрый воин и умный вождь, ты не успел ни с кем поссориться из беков. Некоторые из них не хотят ещё одного хана, потому что давно подкуплены Котяном, а другие считают, что нельзя, чтобы в степи правил единственный хан – тогда нам вообще жизни не станет. И курени лишатся последней свободы. Единственное, чего тебе не хватает – это союза с русским князем. Сила Котяна в том, что его зять – Мстислав Галицкий. Заведи себе подобного родственника, и я всё сделаю, чтобы на ближайшем курултае беки проголосовали за нового хана восточных кыпчаков.

Тугорбек кивнул.

– Я подумаю, мудрый Аяпа. Спасибо тебе.

И вышел из шатра.

* * *

В корчме жидовина Юды шумно и дымно. Свет еле пробивается сквозь крошечные окошки, затянутые мутным бычьим пузырьком, чад из кухни пропитал спёртый воздух и въелся в тёмные стены; никогда не мытые доски пола – скользкие от грязи. Но от посетителей не толкнуться – на всю Шарукань здесь единственное место, где подают не кумыс, а самодельное ячменное пиво, медовуху и даже жутко дорогие заморские вина. Впрочем, охранники караванов, приказчики и подозрительные личности с бегающими глазами эту кислятину не заказывают – предпочитают то, что покрепче и подешевле.

Сам хозяин, признав бродника, первым делом хотел сбежать на кухню, но был пойман за лапсердак и успокоен:

– Ну ты чего, Юда? Я сегодня не буйный. Видишь, приличных гостей к тебе привел.

Жидовин недоверчиво поглядел на стоящего рядом с Хорем улыбающегося Диму в дражном кожаном. Ярилова распирало незнакомое раньше чувство – тяжесть висящей на боку турецкой сабли удивительно повышала самооценку. Юда перевёл взгляд на третьего гостя и ужаснулся:

– Бог Саваоф! И это приличные гости? Ослепительный витязь Хорь, и вы таки привели ко мне крестоносца?! Какие ещё страхи ждут бедного еврея? Или этот рыжий, как Исав, юноша только что приехал с Соломоновых копей и просто не успел купить себе достойной одежды и ножен в драгоценных камнях для своей богатой сабли? Досточтимый Хорь, я, конечно, найду вам у себя местечко и кувшинчик пива, но вы таки сначала покажите деньги.

Хорь хмыкнул и продемонстрировал хозяину горсть серебряных дирхемов – свою долю от спасения персидских купцов.

Жидовин тут же расплылся в любезной щербатой улыбке и закричал:

– Ай-вэй, какие люди! Как же вы давно у нас не были, я уже все глаза истёр, глядя на дорогу: не едет ли там долгожданный боярин Хорь? Вот за этот стол, прошу вас, тут не так дует и светло от лампы. Сей миг принесут яства и хмельное, у нас сегодня чудесный старый мёд.

Под кабацкий неумолчный гул пили мёд, ели запечённого гуся, ломали ковригу удивительно вкусного хлеба. Из вежливости выпили по глотку заморской кислятины и предоставили Анри возможность самому допивать кувшин.

Хорь покраснелся, разошёлся, начал хвастаться:

– Да меня тут все знают! И боятся. Я у ватамана Плоскини лучшим бойцом был. Эх, и погуляли мы, были времена. До Хвалынского моря ходили, купеческие караваны щекотали. И серебро у меня было, и золото, и кони – лучшие!

Незаметно подошёл Юда, попросил:

– Я, конечно, уважаю ваши заслуги, ватаман Хорь. Но таки не все со мной могут согласиться, люди – очень разные, как глаза у моей косой дочки Хаси. Вы бы говорили чуть тише о своих подвигах, а то вон те достойные караванщики на вас уже косятся не хуже той же моей Хасеньки, будь она здорова.

– Кто-о-о?! Кому что не так? – зашумел изрядно захмелевший Хорь. – Да я тут всех раскидаю.

– Видит бог, я вас предупреждал, – прошептал жидовин и исчез.

К сколоченному из грубых досок столу, за которым пировали друзья, шёл огромный, под потолок, алан из тех наёмников, кто охраняет купеческие караваны. Гигант пошатывался от выпитого, но двигался целеустремлённо, не замечая перегородившие путь лавки и отшвыривая попадавших под ноги пьянчуг. Задира и в кабаке пришёл в кольчуге, а на поясе у него болтался внушительный меч. За ним следовало с полдюжины приятелей, тоже вооружённых и возбуждённых.

– Ну что, Хорь, поговорим? – загремел алан. – Давно хотел свидеться. Пошли во двор.

Сгрёб бродника за шиворот, поднял и поволок на выход из корчмы.

Дмитрий сразу бросился выручать товарища, но спутники здоровяка отшвырнули русича в угол и галдящей толпой рванулись за аланом. Пришлось выбираться из-под лавки и догонять.

На улице гигант тряс Хоря за шкурку, как нашкодившего щенка, и гремел:

– Однако, вор-разбойник, посчитаемся? Давно хотел с тебя должок получить, с тех самых пор, когда вы караван Кривого Джакопо ограбили.

– Вот как за добро принято нынче платить, – просипел болтающийся, словно висельник, бродник, – надо было тебя тогда зарезать, бугай, и все дела! Зачем в живых тебя оставил – не понимаю.

– В живых?! – захлебнулся от гнева алан. – В живых, говоришь?! Раздетым, без коня, посреди дикой степи?! Думали, меня волки сожрут? Да я не таков! Я любого волка голыми руками придушу, а уж ты мне, недомерок, на один зуб!

Продолжая одной рукой удерживать ворот кожуха, алан другой потянулся за оружием. Хорь вдруг перестал беспомощно болтать ногами, ловко вывернулся, оставив оторвавшийся воротник в руке голиафа – и уже стоял напротив, расставив слегка согнутые ноги и блестя гото-

вой к бою саблей. Здоровяк завыл, бросился на бродника, размахнулся – и разрубил огромным мечом пустоту, утопив клинок в вязкой грязи трактирного двора.

И сразу завертелось, заполнило двор криками, лязгом железа о железо, хрипами и ругательствами.

Тамплиер на загляденье ловко работал длинным лезвием, умело отбивая атаки сразу трёх противников, и ещё двое маячили за спинами товарищей, подбадривая их криками. Дмитрий даже разинул рот, глядя, как меч в руках франка превратился в сверкающую молнию – и едва не пропустил предназначенный ему удар. На рефлекс ушел в сторону, оглядывая соперника – толстого пыхтящего караванщика, коряво размахивающего коротким мечом. Выдернул свою сабельку из ножен и растерялся: что дальше-то делать?

Толстяк наступал, чередуя рубящие и колющие удары, но пока что Дмитрию хватало скорости уклоняться. Когда в очередной раз караванщик промазал – Дмитрий шагнул вбок и обрушил кылыч на спину бедолаги. Противник хрюкнул и упал на живот. Тут уже было ясно, что делать: Дима дважды ударил берцем поверженного в голову, с облегчением выдохнул и оглянулся.

Анри де ля Тур продолжал биться с тремя соперниками, но двое уже лежали бесформенными кучами в грязи. Казалось, он даже не вспотел – двигался легко и изящно, безостановочно вращая мечом.

Выдохшийся гигант размахивал тяжелым клинком, как оглоблей, но всё чаще бродник оказывался за его спиной, отвешивая издевательские пинки и крича:

– Эй, тетёха жирная, ты куда побёг? Туточки я. Жду, когда же убивать меня начнёшь, а ты всё где-то ходишь.

Собравшаяся толпа зевак захохотала. Алан заревел и бросился на Хоря, выставив чудовищное лезвие перед собой, словно пику. Бродник в последний момент сделал шаг в сторону, и верзила со всего маху вонзил меч в стену трактира. Хлипкое сооружение содрогнулось, но устояло, и только наблюдающий за боем Юда испуганно вскрикнул, опасаясь за своё имущество.

Бродник повернул саблю и плашмя ударил ей гиганта по бритому затылку. Оглушённый алан рухнул и затих.

Рубившаяся с тамплиером троица, увидев конфуз предводителя, позорно бежала. Хорь, подбоченясь, горделиво смотрел на толпу и наслаждался восторженными криками. Ещё большее восхищение вызвал тамплиер, учтиво поклонившийся зрителям. Хорь похлопал его по плечу, заметил уважительно:

– Славно бился, франк. Теперь вижу, что воин ты знатный.

Жидовин Юда подошёл, подал обронённую бродником армейскую кепку, когда-то отобранную у Дмитрия:

– Мне очень приятно принимать столь дорогих гостей, боярин Хорь, но я таки вас умоляю как можно скорее нас покинуть, ибо ханская стража уже сюда спешит, услышав про драку. Даже и не пойму, как они прознали?

– Понятное дело, как прознали, – хмыкнул Хорь, привычно надевая кепку козырьком назад, – сам же их и вызвал, хитрая рожа. Ладно, возьми серебро за угощение, а вот монетка лишняя – за славное развлечение, достойное витязей, да за молчание.

Друзья не мешкая отвязали лошадей от коновязи и покинули поле битвы, помахав на прощание болельщикам.

– Ребята, давайте на рынок заедем по пути? Юлдуз просила сладостей ей купить, – предложил Дима.

Хорь внимательно посмотрел на товарища, покачал головой.

Но ничего не сказал, усмехнулся и пришпорил коня.

Толпа зевак разбрелась: кто-то вернулся в трактир, кто-то пошёл по своим делам. И только один, закутанный в серый плащ, стоял и смотрел из-под капюшона вслед усакаавшим броднику, русичу и франку.

Из записей штабс-капитана Ярилова А. К.

г. Берлин, 11 марта 1924 года

...бедно, но чистенько. Всё в Германии теперь так, и этот гаитет не стал исключением. Немцы, ограбленные лягушатниками в Версале, стоически переживают тяжёлые времена, но даже голодают как-то по-европейски – со скорбным и решительным выражением лица. А я вспоминаю Петроград, зиму восемнадцатого, и наши посиделки под свечу и морковный чай. Поэта-футуриста Грищева, который читал свои совершенно бесформенные, как глыбы замёрзшего в вокзальном сортире дерьма, стихи. Поэт тогда приехал с фронта, где получил от Троцкого именной браунинг. Мне думается, что его просто не знали, как спроводить, вот и пришлось откупаться машинкой. Хотя сам Грищевец утверждает, будто большевики после его гениальных выступлений бросались в бой подобно взбесившимся демонам. Я в это верю. Мне самому после его дебелых строк хочется кого-нибудь убить.

**Дрын революции – рви нутро!
Имперьялистов гром громи!**

Грохот грудей пролетарских... и что-то там ещё такое же, нелепое и гремящее, как сияющий медный таз, в котором мама делала крыжовниковое варенье.

Тогда, в восемнадцатом, поэт перенюхал кокаину и пристрелил из браунинга дворовую собаку. Притащил в квартиру несчастное животное, ободрал в ванной, забрызгав стены. Сварил и сожрал.

Мне пришлось ходить бриться к соседям.

Так вот, вчера я встретил этого «певца революции» в берлинском гаитете, и пришлось угощать пивом и ужасными сосисками. Хозяин заверял, что сосиски из конины. Но меня не проведёшь, я великолепно могу отличить конину от кошатины.

Грищевец бежал из совдепии и нынче счастлив. Рассказывал, что буханка хлеба из прогорклой муки пополам с отрубями стоит в Петрограде пять миллионов рублей. Что ж, по крайней мере, благодаря большевикам русский пролетариат теперь научится арифметическим действиям с большими числами. У немцев дела не лучшие, есть уже купюры в сто миллионов марок.

Самая страшная несправедливость двадцатого столетия – это гибель двух великих империй. Два народа, шедшие рука об руку весь прошлый век, победившие совместно наполеоновскую заразу, были перессорены самым предательским образом – и теперь пожинают плоды глупой вражды. Мы и они умели воевать на совесть, до последнего вздоха – и неистово истребляли друг друга. Вместо того, чтобы обернуть штыки против своих настоящих врагов. Теперь обе нации оказались в могиле, самостоятельно вырытой проигравшими Великую войну.

Я не знаю, вылечит ли меня доктор Думкопф от кошмаров. Но вот от терзающего меня чувства вины не избавят ни германский эскулап, ни Бог, ни дьявол. И смерть не принесёт облегчения – кипя в адском котле, я буду мучительно вновь и вновь проживать эти годы и думать, почему же нам не удалось довести до конца задуманное.

Отчего мы не смогли изменить прошлое? Или – смогли, но не так, как надо?

Мне очень не хватает теперь отца Василия. Медового запаха свечного воска, наших разговоров. Его рассказов об удивительных путешествиях, о диких просторах Азии, о загадочном Тибете. Его непоколебимой веры в людей, в справедливость, в Россию.

Когда он и экспедиция исчезли в синей вспышке у степной каменной бабы, я подумал, что погибли все.

Но сегодняшний сон принёс восхитительно ясную картину. Впервые за много месяцев мне приснились не ошмётки дохлой лошади, заброшенные на дерево взрывом снаряда, и не ограбленные, раздетые мёртвые юнкера на рельсах под Ростовом.

Я увидел, как старец Василий идёт навстречу рассвету по изумрудной степи с оранжевыми пятнышками цветов, тёплый ветер треплет его изношенное рубище, а по правую руку синеют отроги Алтая. Две трети тяжёлого пути пройдено, и впереди – дикие монгольские степи.

Неужели они всё-таки дошли? И исполнили Великую Миссию? Спасли и Россию, и всю цивилизацию от жестокости нашествия Чингисхана?

И если дошли – почему всё так паршиво в моём настоящем времени?

Почему?

* * *

Пока заехали на рынок, пока неспешно добрались до стоянки – началась уже ночь, вывалила из рваного мешка звёзды-светлячки. У костра дремал Азамат. Проснулся, зашипел на витязей:

– Где болтались? Бек про вас два раза спрашивал. Хорь, ты всё не утомонишься? Тебе-то лучше не показываться на глаза никому, тут немало таких, в Шарукани, кто захочет твою башку от шеи отбить.

– Да куда им, увечным, – расхохотался бродник и хлопнул по плечу франка, – когда я и сам любого побью, а уж с такими товарищами, как Анри, и против целого вражьего войска можно на сечу выходить.

Азамат покачал головой, проворчал:

– Не, ты своей смертью не помрёшь, пустомеля. Не зарубят – так вздёрнут на виселице, яко разбойника.

Хорь протянул кыпчаку кусок пахучего балыка, завёрнутый в чистую тряпицу:

– Полакомься лучше, на рынке тебе купил. Может, добрее станешь. А для воина нет ничего почётнее, чем в бою сгинуть, с вострой сабелькой в руке. Всяко веселее, чем на вонючей кошме с блохами от старости.

– Это да, – согласился Азамат и с наслаждением впился в копчёную рыбу, текущую жиром.

Дмитрий нырнул в темноту и, стараясь не шуметь, отправился к кибитке Юлдуз. Тихо позвал:

– Солнышко, я тут тебе сладенького принёс. И мёд, и изюм, и яблочек мочёных.

Тонкая кисть схватила за рукав, втянула в палатку. Безошибочно встретились губы в кромешной тьме.

Потом отстранилась, тихо рассмеялась:

– Ты у меня – самый сладкий. Лучше любого мёда.

* * *

Хорь и Анри разбудили Дмитрия перед рассветом. Седлали коней. Русич, хоть и с запинкой, но справился сам – Хорь не торопил, подсказывал. Мерин Харлей тоже терпеливо отнёсся к экзерцициям Дмитрия, только один раз всхрапнул и мотнул сердито лохматой башкой, когда русич неосторожно прищемил ему губу уздечкой.

А потом поехали неторопливо через степь, навстречу нарождающемуся солнцу. Изморозь ещё покрывала метёлки ковыля, но с каждым днём становилось теплее, и появились первые весенние запахи – мокрой просыпающейся земли, южного ветра.

Спешили на взгорке над рекой. Хорь, став вдруг серьёзным, сказал:

– Ты, Дмитрий, должен стать настоящим воином. То, что твой дух крепок, а тело послушно, ты уже доказал. Но надобно овладеть многими умениями, которым нас, бродников, учат с малого детства. Да и у кыпчаков так заведено: трёхлетние мальчонки уже на баранах катаются, держась за шерсть ручонками, а в шесть лет с игрушечными луками балуются. Если франка спросить – так и он расскажет, что мастерски мечом владеть его, небось, отец учил с малолетства. Я уж не знаю, из какого ты рода, Дмитрий. Явно – не воинского сословия. Из духовных, наверное: и языки превзошёл, и грамоте обучен, говоришь гладко. Так ведь? Попович ты?

– Я... – растерялся Ярилов, – я, пожалуй, из учёных людей, не из духовных.

– Это одно и то же, – отмахнулся бродник и продолжил серьёзный разговор. – Непростой ты человек, странный. Не наш. Захочешь – сам о себе правду расскажешь. Но коль ты не в рясе, значит – нет греха тебя искусству боя научить. А то я вчера без смеха смотреть не мог, как ты с этим толстым караванщиком не знал, как справиться. Это позорище, конечно.

Дмитрий густо покраснел, кашлянул. Анри, будто понимая слова бродника, кивнул и подмигнул русичу, подбадривая.

– Слушай меня внимательно, брат Ярило, – торжественно объявил Хорь, – быть тебе воином. А юнец, который хочет витязем стать, должен солнце встречать с саблей в руке, а не с кубком и не в постели с красной девицей. Сейчас я тебе первые упражнения покажу, а ты внимай.

Хорь вытащил свой клинок из ножен, легко покрутил – сабля загудела, рассекая воздух, превращаясь в сверкающий на солнце круг.

– Повторяй за мной. Вся сила сабельного удара – в кисти, она крепкая и гибкая должна быть. Стой правильно – ноги чуть согни. И спину. Плечи опусти, а то раздул грудь, будто петух перед курами. Чем мягче колени – тем быстрее от удара вражьего уйдёшь. Уклонился – сразу бей!

Через полчаса Дмитрий, давно скинувший верхнюю одежду и оставшийся в одной промокшей насквозь тельняшке, истекал потом, пытел, как загнанный жеребец – только что пену не ронял.

– За дыханием следи, – поучал бродник, – спокойно надо дышать, не загоняйся. Всякий витязь знает древнее наставление:

Когда в хлебало втащили палкой —
Не плачь, не бойся – держи дышалку,
Словил по яйцам? Яиц не жалко!
И нафиг печень – держи дышалку!
Любая пьянка, любая свалка —
Держись, десантник! Держи дышалку!

Ярилов опешил, выпустил от неожиданности клинок – и тот улетел, крутясь, в приречные кусты.

– Что-о-о? Ты откуда эту считалку знаешь, Хорь?! Этого же ротного нашего, капитана Николая Асса, любимая присказка!

– Саблю-то крепко держи, балбес, – недовольно заметил бродник, – чего швыряешься? Так и друга продырявить недолго. Какого ещё Асса? Это древний воинский заговор. Старики

говорили, что от самого князя Аскольда достался. Слышал про такого? Он вместе с Диром ещё до Рюрика Киевом правил.

Димка растерянно почесал затылок:

– Что-то ты путаешь, Хорь. А «десантник» тогда, по-твоему, кто такой?

– Это слово из прежних времён, забытое, – пожал плечами бродник, – но вроде означает бойца-правшу, который в правой руке меч держит. От слова «десница», понял?

Обалдевший Ярилов только кивнул.

Потом Анри сменил бродника и показал Дмитрию несколько ударов. Недовольно покачал головой:

– Мне видится, мой друг, что сей сельджукский кылыч не подходит тебе – слишком лёгок. Твоему росту и силе лучше бы подошёл более тяжёлый и длинный клинок. Например, меч вроде моего. И вообще, меч – это лучшее оружие, которым может овладеть христианский воин. Им можно и фехтовать, и рубить, и наносить колющие удары.

– Что франк говорит? – поинтересовался Хорь.

Дима объяснил.

– Тю-ю, да он не прав. Сабля ухватистей, ловчее. Вот объясни ему...

Тренировка давно завершилась, и друзья направились неспешно в лагерь, а Ярилов всё продолжал перевод вечной дискуссии: что лучше – меч или сабля. В конце концов разгорячённый рыцарь предложил провести честный поединок, чтобы окончательно выяснить, какое оружие правильное.

На том и порешили.

* * *

Дмитрий ещё издали разглядел фигурку Юлдуз: девушка стояла у кибитки, вглядываясь в степную дорогу из-под ладошки. Почувствовал неладное, ударил Харлея пятками, прибавляя ходу и отрываясь от товарищей, продолжавших на пальцах спорить о преимуществах меча и сабли. Подъехал, спешился, тихо спросил:

– Что случилось, родная?

Юлдуз выглядела растерянной. Сбивчиво объяснила: рано поутру вышла из кибитки – встретить солнце, умыться родниковой водой, принесённой служанкой. А у лагеря увидела странного незнакомца, в сером плаще и капюшоне, скрывающем лицо.

– Он меня и спросил: нет ли среди наших рабов русича Димитрия, найденного в степи? Плохо говорил по-кыпчакски, чужак. Я испугалась даже. Какой-то он... Опасный. Злом от него пахнет. Не знаю, как объяснить. Сказала, конечно, что такого у нас нет, он и ушёл. Только пробурчал, что непременно надо ему найти такого русича.

Юлдуз поднялась на цыпочки, потянулась к Ярилову. Тот отстранился:

– Маленькая, ты чего? Увидят же нас.

– Я очень испугалась, любимый. До сих пор дрожу.

– Не переживай, мало ли кто это был. Может, обиженный нами вчера в драке. Или рыночный торговец.

Юлдуз улыбнулась, успокоенная. Блеснула чёрными глазами, прошептала: «люблю» – и убежала, звеня браслетами.

Ярилов выдохнул. Конечно, показывать свою обеспокоенность девушке было нельзя. Но случай и в самом деле странный. Никому он вчера своего имени не называл – ни в трактире жидовина, ни на рынке. Откуда незнакомцу знать, как его зовут? Да и зачем искать чужого раба? Какая-то тайна. Причём – кажется, сулящая неприятности.

Ругаясь на себя, что заразился волнением от девчонки, побрёл к костру и в задумчивости не заметил сердитого Азамата.

– Ну, где опять шлындаете? – напустился половец. – Днём вас нет, утром вас нет. Бек тебя в шатре ждёт. Иди быстро.

– Да мне бы хоть помыться, позавтракать, – попытался оправдаться Дмитрий.

Азамат зло прищурился:

– У тебя уши пылью забило, холоп? Говорю – бек зовёт. Потом помоешь свою рожу.

Ярилов, растеряв всё настроение хорошего утра после рассказа Юлдуз и выволочки от половеца, побрёл в палатку Тугорбека.

* * *

Шатёр бека Чатыйского куреня был, конечно, попроще, чем у того же Аяпы: размер мал, никаких дорогих шелков, ковёр постелен вытертый, а кое-где и заштопанный. У стены – пара дубовых сундуков, где вся казна хранится.

Бек кивнул головой – присаживайся, мол. Племянник куренного, вылеченный когда-то Яриловым, радостно улыбнулся спасителю, подал каменную чашку с кумысом.

После Тугорбек выслал из шатра и Азамата, и племянника, оставшись с холопом вдвоём. Проговорил:

– Слышал про ваши вчерашние подвиги. Ну, с Хоря чего возьмёшь – разбойник. Фрязин, ясно, в наших порядках ничего не смыслит. Но ты-то куда смотрел? Драку учинили прямо в центре ханской столицы! А если бы вас охрана словила? Содрали кафтаны, били плетью да привязали к столбу. Глядишь, к утру бы насмерть замёрзли. То и хорошо, выкуп не платить за вас, баловников. Ну, чего сопишь? Я-то обрадовался, думал – вот какого мне хорошего слугу Отец Тенгри прислал. Умного, до гадливого. Который небеса слышит... Рассказывай, откуда прознал про бой с монголами и гибель Юрия Кончаковича? Всё мне изложил или что-то скрываешь?

Дмитрий нахмурился, собрался. Ответил осторожно, стараясь не вызвать гнев:

– Ты мне, славный Тугорбек, известный своей справедливостью, обещал свободу, коли я правду тебе предскажу. А то ведь у рабов умными быть не принято – они всё больше кизяки собирают да воду таскают.

И замолчал напряжённо: не переборщил ли?

Тугорбек задумчиво потербил редкие усы. Тихо произнёс:

– Я бы мог тебе рассказать, русич, о том, что раб, украсивший свою шею тяжёлой колодкой, через пару дней становится очень умным. А ещё больше память и откровенность улучшает костёр. Знаешь, если строптивного холопа привязать к столбу и развести у него огонь под пятками, он такое может рассказать – никакому шаману-басхаму не придумать, даже нанюхавшись волшебного дыма тайных степных трав.

Дмитрий незаметно погладил обшарпанную рукоятку сабли. Решил для себя: на пытки живым не дамся. Даже если придётся драться со ставшими такими родными батырами бека.

Тугор внезапно рассмеялся, обнажив крепкие зубы:

– Ты мне всё больше нравишься, Димитрий. За кылыч хватаешься, как воин, чтобы ответить на угрозу. Я дам тебе свободу. Сейчас. Немедленно. Но сначала задам пару вопросов. Раньше у вас, у русичей, самым главным был киевский великий князь, и все его слушались. А теперь – словно в кыпчакской степи: ханов несколько, между собой то мирятся, то воюют. Вот скажи: киевский Мстислав и его тёзка, Мстислав Удатный из Галича – как между собой?

Дмитрий успокоился, снял ладонь с оружия. Ответил:

– Славный бек, я постараюсь помочь своими знаниями. Но буду тебе полезнее, если пойму, для чего ты об этом спрашиваешь.

Тугорбек подумал. Прикрыл глаза. Решился, заговорил с напором:

– Я буду откровенен перед тобой, русич. Расскажу о том, о чём не стал бы даже такому верному батыру, как Азамат, или своей любимой дочери Юлдуз. Есть дела, в которых не помогут ни храбрый воин, ни родная кровь. Эх, не хватает мне матери Юлдуз... От неё бы не скрыл. Умная и хитрая была, как молодая змея. И такая же красивая. Много лет назад умерла. Мне, беку, не пристало долго вдовцом ходить. Столько невест привозили – и красивых, и знатных. А я не смог. Нет ей замены ни в нашей степи, ни в городах русичей, ни среди игривых турчанок и сладких, как щербет, персиянок. А... Ты молодой – не поймёшь.

Бек провёл по лицу рукой – будто стирая горькие воспоминания. Стал деловито и подробно пересказывать разговор с Аяпой. О том, как хитрый степной барон задумал собрать курултай, чтобы выбрать Тугорбека ханом, да только нужен союзник из русских князей. Но союзник сильный, способный своё слово сказать. Русич, который не побоится идти поперёк галичскому Мстиславу – знаменитому полководцу и храброму воину, недаром зовущимся Удатным – и за удаль, и за удачливость.

А жена его, княгиня Мария, – дочь хана Котяня. Значит, коли придётся с Котянем Сутовичем соперничать – достойный должен быть и у Тугоркана зять. Потому Юлдуз надо выдать за русского князя.

На этом месте Дмитрий заметил:

– Великий бек, так у русских князей тоже вдовцами и холостяками быть не принято. Из старших – женатые все...

– А, неважно, – отмахнулся Тугорбек, – не за самого князя – так за сына пойдёт. Или за племянника, какая разница? Тут главное – в семью попасть.

Ярилов поинтересовался:

– А если Юлдуз не люб будет такой жених?

– Странные речи твои, русич, – удивился половец, – кто же её спрашивать будет? Дело женщины – слушать, что старший мужчина говорит. Отец повелит утопиться – так прыгнет с обрыва, не задумается.

– Э, просто ты про свою жену, мать Юлдуз, такие хорошие слова говорил, – попытался исправить неловкость Дмитрий, – вот я и интересуюсь.

– Таких больше нет, – отмахнулся бек, – и не будет никогда. Хотя... Иногда взгляну, прямо оторопь берёт: настолько моя дочь на жену покойную похожа. Ладно, не будем об этом. Так что скажешь, Дмитрий? Как думаешь – браться мне за такое дело? Непросто вызов Котяню бросить. Ох, нелегко. Но воину не престало в грязи копаться, подобно червю. Стрелять – так в орла, в поход идти – так за край земли.

Ярилова даже в жар бросило. Думал ли он месяц назад, что получит предложение участвовать в хитросплетениях кыпчакской политики, да ещё на такое замахнуться – на ханский престол ставить претендента?

С другой стороны, лучшего и не пожелать. Тут ведь не только свободой пахнет – тут и власть, и почёт...

А ещё – одна мечта.

Мальчишкой ещё, лет в восемь, прочитал Димка Ярилов книгу о страшных годах перед монгольским нашествием. О роковой для Руси битве на Калке. И плакал тихонько в подушку, поражённый ужасной судьбой князей и храбрых дружинников, задавленных под досками, на которых пировали узкоглазые захватчики...

И представлял себе, как он, второклассник Ярилов, за рычагами грозного танка, а лучше – в кабине боевого вертолёта, появляется в переломный момент битвы на Калке и громит незваных пришельцев из азиатских степей, спасая русское войско от позора и смерти. Бегут кочевники в ужасе, бросая раненых, оставляя в грязи богатые трофеи...

А потом, посадив винтокрылую машину посреди окровавленной степи, выходит. Снимает шлем, вытирает со лба пот, сияя ржыми вихрами. Подходят к нему все три Мстислава –

Киевский, Черниговский и Галицкий. Протягивают десницы в железных голицах для рукопожатия... Или нет – так неудобно же. Протягивают правые руки, уже освобождённые от боевых перчаток, и говорят:

– Ой ты, гой-еси, славный богатырь! К нам с небес упал солнечным витязем, поражая кудрями рыжими. Ты нас спас от кручины, от гибели, и вся Русь тебе благодарная! Не лежать нам, белея костыми, в грязи, не клевать наши очи стервятникам. А сидеть нам в палатах каменных, пировать с тобой да нахваливать!

Конечно, ни танка, ни истребителя у Дмитрия нет – и даже завалящего пулемёта с парой десятков лент. Зато вокруг не Питер двадцать первого века, а та самая степь, где всё и решалось. Да и он сам не школьник. А – советник бека Чатыйского куреня, будущего половецкого хана. И до битвы на Калке ещё уйма времени – около трёх месяцев.

Можно попробовать поломать историю об колено и направить её по совсем другому пути – такому, что дух захватывает от перспектив.

Почему бы нет?

* * *

Тот, кто не был никогда рождён, и кому подчиняется всё во Вселенной, однажды направил реку времени, указав потоку путь – из прошлого в будущее. И повелел этим водам течь неспешно, но непрерывно. Не останавливаясь и не поворачивая вспять.

Давным-давно, когда на месте пустынь цвели города и в них правили великие султаны, имена которых забыты; когда в мире царил тьма и тысячелетия оставались до благословенного момента рождения Пророка; когда люди ещё не знали истинных причин и настоящей правды...

Тогда, по наущению шайтана, появились в диких ущельях недоступных гор, отделяющих Индию от Страны шёлка, грешники, возомнившие себя равными Всевышнему.

Они, освоив злое колдовское умение, посчитали себя вправе вмешаться в течение времени. Прикрываясь добрым намерением изменить несчастную историю человечества, они проникали в прошлое, в самые запутанные узлы хроноткани, чтобы остановить тиранов, предотвратить страшные эпидемии или спасти народы от войн и катастроф. Они создали десятки дверей, запертых только им известными ключами. И проникали через эти порталы в прошлое.

В разные эпохи они назывались по-разному. Изгнанные за опасное занятие из Тибета, они служили царям древней Индии, где смогли задним числом изменить путь первоначальной цивилизации, не допустив страшного финала, сжёгшего весь Индостан в ядерном пламени. Они открывали тайные школы в греческих полисах и китайских городах, зорко следя за тем, чтобы человечество шло правильной дорогой. И совершая тем самым чудовищный грех.

Смертным не суждено познать высшего замысла. Страдания и смерти тысяч людей, возможно, спасают от катастроф миллионы. Грубое вмешательство в течение времени может привести к уничтожению всей цивилизации, всего мира.

Играющие Временем уподобились неразумным детям, балующимся опасным оружием с риском погубить и себя, и других. Они похожи на червей, способных прогрызть толстую книгу насквозь, сразу попав с последней страницы на первую. И избрали своим символом Солнечную Кобру, солгав тем самым дважды.

Потому, что ничтожный червь – это не мудрая змея. И потому, что солнце – это светильник Бога, а не чадная лампа дьявола.

Но Могущественный никогда не прощает тем, кто служит тёмным силам и пытается изменить установленный им порядок. Он создал Защитников Времени, Хроналексов. Тех, кто зорко следит за целостностью ткани времени и охотится за нарушителями.

Предшественники Бадра совершили немало подвигов, спасая хроноткань от повреждений, штопая прогрызенные червями дыры и преследуя возмутителей естественного течения событий.

Теперь – его очередь. Он непременно найдёт беглеца из будущего, спрятавшегося в этом скопище варварских кибиток, ошибочно называющем себя городом. Совершив необходимые ритуалы, уничтожит странного русича. И навсегда заткнёт дыру портала, созданного рядом со степным языческим идолом.

Да поможет Бадру в этом Всевышний!

* * *

Шарукань кипела новостями: вернулся из Галича хан половцев Котян Сутоевич, единственный ныне властитель Дешт-и-Кыпчак. С разных концов бестолково разбросанной столицы стремились к ханскому шатру степные бароны, окружённые свитой. Торопились преподнести дары и узнать, какие вести принёс хан из русской земли.

И то непонятно, чего ждать. Ходит среди кыпчаков слух: неведомые монголы не собирались воевать, уговорили половцев отказаться от боя, подарками откупились. Обманули. Ала-нов разбили, половецкие отряды настигли и разгромили. Вроде и силы были равны, но дрогнул Котян, бежал с поля, бросив товарищей. Монгольские разведчики теперь по степи рыщут, даже до Днепра доходят.

Личная охрана у Котяна достойная: отборные бойцы, все в кольчугах, в шлемах с личной, прикрывающей глаза и нос. Со скрытой усмешкой глядят на суетящихся степняков, сгужающих с вьючных коней и из телег подношения для хана. Одеты кто во что горазд, кольчуги – одна на троих.

Бек Чатыйского куреня лицом в грязь не ударил: подарил хану не только обычные меха, добытые степной охотой, но и ценный булатный клинок. Однако Котян, кажется, остался недовольным. Надменно кивнул, приглашая на кошму. Подождал, когда гостю преподнесут чашу с кумысом. Выслушал просьбу: увеличить отведённые для куреня пастбища, но ничего обещать не стал.

Тугорбека не покидало чувство, будто хану известен его разговор с Аяпой. Везде у хитрого Котяна уши... Надо быть предельно осторожным. Не потерпит самовлюбленный владыка появления конкурента.

Хан, не глядя в глаза, пробурчал:

– Тяжёлые нынче времена, Тугорбек. Вместе надо держаться, подобно пальцам в кулаке. А когда прогоним непрошенных гостей с востока – каждому воздастся по заслугам его. Тогда и поговорим о пастбищах для твоего куреня.

Неожиданно Котян расплылся в улыбке, схватил Тугорбека за руку, интимно понизил голос:

– Говорят, ты дочь свою привёз, Юлдуз? Расцвела девочка, как степной мак, сладка стала, словно душистый мёд. Если на мать похожа – то неудивительно. Помню я твою жену, первой красавицей по эту сторону Дона была. Жаль, опередил ты меня тогда, Тугорбек. Резвее оказался.

Хан мелко захихикал, будто больная овца какашек насыпала.

– И что думаешь с дочерью делать, Тугорбек? Таким богатством надо верно распорядиться. Не хочешь ли мне в жёны отдать? Тогда, глядишь, и земли у твоего куреня прибавится. Правой рукой своей сделаю. Как думаешь?

Бек Чатыйского куреня отшатнулся, прикрыл глаза, скрывая гнев. Ответил не сразу:

– Позволь спросить, благочестивый хан, а зачем тебе ещё одна жена? У тебя и так – дюжина, на любой вкус – и персиянки, и половчанки. Говорят, даже из далёкой страны Индии

есть супруга. Да и немолод ты уже. Твои дочки старше моей Юлдуз вдвое. Потерпят ли они такую мачеху?

Котян откинулся на кошке, облизнул сухие губы. Зажмурился, как кот на мартовском солнышке:

– Эх, Тугорбек, мало лет тебе ещё. Не понимаешь, как старческая плоть мёрзнет. Только девичьими телами и согреваюсь. Думай. Сроку тебе три дня на ответ.

Бек вышел, еле сдерживая гнев, сжимая до побелевших костяшек рукоять сабли.

Потом прошли в общий шатер. Котян угощал степных баронов щедро: горы варёной баранины, копчёная рыба, турецкие сладости, орехи и сушёные фрукты из Персии. Слуги подливали ячменное пиво и крепкий кумыс в чаши, стоило им опустеть.

А когда гости насытились и, довольные, развалились на богатых коврах, Котян Сутоевич взял слово. Визгливым голосом рассказал, как ездил в Галич к зятю Мстиславу Удатному, заручился его крепкой поддержкой. Сторонники Котяна, изрядно захмелевшие, встретили это известие радостными воплями.

Хан поднял руку, попросил тишины. Продолжил:

– Но и это ещё не все. В Киеве назначено собрание князей, будут решать, чтобы всей силой русичей идти к нам на помощь. Чаю, огромное войско примчится на подмогу! И сами пойдём, всеми куренями, от старика до подростка. Навсегда прогоним монголов, чтобы и внукам их не пришлось в голову покушаться на нашу землю.

Степные бароны вскочили, выхватили сабли из ножен, заорали радостно.

– Веди нас, Котян! С тобой да с русичами вместе любого побьём, никто против такой силы не устоит!

Но – не все вскочили. Многие на коврах остались, задумчиво потягивая кумыс и хмуро поглядывая на воинственную пляску опьянённых товарищей.

Половина таких была. А то и больше. Аяпа Тугорбеку кивнул: видишь, мол, прав я.

Далеко не всем в степи Котян люб.

* * *

Каждый день вставал Дмитрий до зари, пробежку делал, разминался, мышцы грел боем с тенью. Потом приходили бродник и франк, устраивали воинское учение. Между собой Хорь и Анри уже довольно бойко общались: оказалось, оба немного язык фарси знают, да и рыцарь кое-какие русские слова запомнил.

Разбойник русичем был доволен:

– Талант в тебе, Ярило. Жаль, поздно начал богатырскому делу учиться. Саблю-то ты освоишь, сомнений нет, а вот...

– Пуркуа – сабля? – возмутился Анри. – Меч!

– Да не перебивай ты, чёрт нерусский, – отмахнулся Хорь, – разницы нет. Говорю, рукопашное оружие он, глядишь, и освоит. А вот из лука поздно его учить стрелять, стар уже.

– Как это – стар? – возмутился Дмитрий.

Бродник покачал головой:

– Батя первый детский лук сделал, когда мне едва пять годочков исполнилось. Это воинское искусство – самое трудное. Кыпчаков спроси – подтвердят. Хороший стрелок за двести шагов во всадника попадёт, да на скаку, да при боковом ветре! Тут, брат, не жук чихнул. Хотя пробовать тебе никто не помешает, но истинных вершин уже не достигнешь.

– Английские йомены овладевают умением стрельбы из лука с младенчества и постоянно его тренируют, – согласился Анри, – но сейчас появилась новинка – арбалет. Его гораздо легче освоить, хотя это оружие весьма дорого и редко.

– Ерунда этот твой самострел, – не согласился Хорь, – пока ты его зарядишь, я из тебя ежа сделаю. Всё, передохнули и хватит. Давай, Дмитрий, делай «мельницу», и потом «вертелку». Кисть-то надо постоянно упражнять.

После Дмитрием занялся франк, вручивший свой меч и показавший несколько приёмов.

– Вот видишь, брат Хорь, – восхитился Анри, – у него гораздо лучше получается обращаться с этим благородным оружием, а не с саблей, более подходящей непутёвым сарацинам.

Приятели опять заспорили, а Дмитрий только посмеивался, чередуя колющие и рубящие удары.

* * *

В Шарукани обычно состязания багатуров осенью. Тогда со всей степи съезжаются курени, пригоняют откормившихся за лето баранов на продажу, беки на курултай собираются. Большая ярмарка – куда же без соревнования? Купцы в складчину награды назначают победителям.

Котян решил потеху устроить в неурочное время не просто так. Чувствует – не всем он люб в степи, популярность хочет поднять. Да и беженцам из задонской земли хоть какой-то праздник, устали уже ждать, когда хан их родные места поведёт отвоевывать.

Не стали в этот раз ни резвостью коней хвастаться, ни из луков стрелять, а только соревнования по борьбе «кураш» Котян объявил. И награда победителю знатная!

Ханские слуги вывели под уздцы такого красавца – народ ахнул, поражённый. Жеребец золотисто-соловой масти, грива и хвост с жёлтым отливом. Круп сухой, подтянутый – явно ахалтекинская кровь имеется. Почувствовал конь, что люди им любят, начал на публику играть: притворно храпеть, раздувая ноздри, перебирая тонкими ногами в белых чулках. И кличка подходящая – Кояш, что означает по-кыпчакски «Солнце». Зрители восторженно хвалили и чудесный приз, и щедрого Котяна Сутоевича, кивавшего подданным из-под шёлкового балдахина.

Восхищённый Хорь хлопнул Дмитрия по плечу:

– Гляди, Ярило, как раз для тебя конь! Будто солнцем рождённый. Ах, как играет, паршивец!

Дмитрий не ответил – сам не мог глаз оторвать.

Вынесли аркан, Обозначили им границу ристалища – окружность в шесть шагов диаметром. Непривычно возбуждённый Азамат, размахивая руками, объяснял русичу правила:

– Хватать можно только за кушак, на поясе повязанный. Подножки запрещены. Надо заставить супротивника коснуться земли коленом, локтем – любой частью тела. Или вытолкать его за пределы гилама – круга для борьбы. Ну, я пошёл!

Азамат скинул кафтан и нижнюю рубаху, остался голым по пояс. Вошёл в круг, потопал сапогом, погладил бритую и голову и задорно крикнул:

– Давай, выходи, кто не трусит! По одному, не толпиться!

С первым Азамат справился легко: обхватил, оторвал от земли и бросил – как печать поставил. Второго раскрутил, вышвырнул за пределы площадки. Третьим вышел огромный алан – караванщик, обиженный недавно Хорем и товарищами в драке при таверне жидовина Юды. Синяки ещё не сошли с лица гиганта.

Тут уж Азамату трудно пришлось – как такую глыбу раскачаешь? Алан навалился на кыпчака огромным телом, буквально вдавил в пыль – подломились колени у Азамата.

Алан, вращая глазищами, выглядел в толпе Хоря и показал знаками: мол, ты следующий, придушу!

Но вместо Хоря выкатился в гилам человек – шар. Зрители радостно зашумели:

– Персиянин! Надир-багатур!

Бродник разочарованно сплюнул:

– Тыфу, я-то удивлялся, чего жадоба Котян такую щедрую награду выставил? Надир в его охране десятником. Конь в ханском табуне останется.

– Откуда ты знаешь? – удивился Дмитрий. – Он же ещё не победил.

Хорь скривился, пошёл к телеге, с которой пиво продавали.

Котян, довольно жмурясь, махнул платком: «Начинайте!»

Перс был на две головы ниже караванщика; что в высоту, что в ширину – одинаковый. Ножищи толстые, как крепостные башни, руки – короткие волосатые брёвна.

Алан, кряхтя, обхватил ручищами шар, заросший чёрным мехом. Ни сдвинуть, ни хотя бы заставить перса потерять равновесие не удавалось. Болельщики бесновались, вопили, свистели – Надир только улыбался. Наконец, дождался, когда алан окончательно выдохнется, крутанул корпусом – и соперник рухнул на все четыре конечности. Перс поднял над бритой головой победно сцеплённые руки, утробно зарычал.

С очередным соперником персиянин разобрался мгновенно: просто вытолкал гигантским брюхом за верёвочное кольцо. Так же поступил со следующим под хохот толпы.

– Вот ведь зверюга, – уважительно сказал уже отдышавшийся Азамат, – три года никто его побороть не может.

Дима посмотрел на прекрасного жеребца, играющего золотой гривой. Молча сбросил кожу, снял куртку и тельняшку, отдал опешившему половцу.

– Будут ли ещё желающие? – торжествующе спросил Котян. – Или всем понятно, кто лучший борец в Шарукани?

– Я попробую, хан.

Орущие зрители замолчали; в задних рядах поднимались на цыпочки, чтобы разглядеть дерзца – высокого рыжеволосого русича. Парень вышел в круг и встал рядом с персом – словно стройная единица рядом с расплывающимся нулём.

Котян подскочил, выбежал к соперникам. Глядя снизу, ткнул пальцем в Ярилова:

– А ты кто такой? Что за змея на груди изображена?

– Я – воин Тугорбека, Дмитрий. А змею эту мне подарили. Дозволишь бороться, хан?

Услышав про татуировку, невысокий человек в серой накидке вздрогнул. Начал пробираться сквозь толпу, не обращая внимания на ругательства потревоженных зрителей и нащупывая необычное оружие за пазухой.

Глава четвёртая. Побратимы

Из записей штабс-капитана Ярилова А. К.

г. Берлин, 20 апреля 1924 года

...узнал этот взгляд. Нет, мы не были знакомы – мы были похожи, как близнецы. Братья по несчастью, по больному выражению навсегда сухих глаз.

Пустой левый рукав пришит к ветхому мундиру баварских егерей, чёрный значок «за ранение» и ленточка Железного креста. Пока я подбирал немецкие слова, он вполне сносно заговорил по-русски. Год в лагере военнопленных под Ижорами и ещё год – в большевистском интернациональном батальоне, вместе с мадьярами и чехами. Говорит, была ещё рота китайцев. Абсолютные звери, способные содрать всю кожу с человека и оставить его при этом в живых. Разумеется, ненадолго.

Удивительно: мы с ним в двух жесточайших войнах сражались по разные стороны фронта. Но понимали друг друга гораздо лучше, чем наши гражданские соотечественники – нас.

Мы – дети войны. И её отцы. Наши души остались на дне снарядных воронок, гнить в бульоне из холерного дерьма и протухшей крови.

Я рассказывал о вековых дубах Галиции, толстые ветви которых ломались под грезами повешенных австрияками русинов. А он мне – о том, как выхаркиваешь кусками лёгкие после газовой атаки. И как он разочаровался в большевиках, потому что сплошь – евреи. И в Германии от них все беды.

Я сразу потерял интерес и слушал уже вполуха, в том числе и историю о некоем герое войны Хитлере, его судебном процессе и пятилетнем сроке за попытку бунта в Мюнхене. Сегодня у этого «спасителя оскорблённой нации» день рождения, тридцатипятилетие он встречает в Ландсбергской тюрьме... У собеседника странно загорелись глаза и начали проскакивать визгливые истерические нотки.

Я машинально кивал, а сам думал об отчаявшихся, униженных людях. Лишённых надежды на будущее, на достойную человека жизнь. О детях без молока в Баварии и голодающих в Поволжье, о расстрелянных в подвалах и умерших от «испанки».

Отец Василий категорически не принимал идею об искупительной роли страдания.

– Александр, голубчик, поймите, – говорил он, поглаживая аккуратную бороду, – сильным в вере страдание уже не нужно, а слабых тяжкие испытания могут отвести не только от веры, но и вообще лишить человеческого облика.

Тогда я вспомнил, как в семнадцатом году пьяные матросики гонялись по всему Кронштадту за офицерами, как они насиловали уже убитых жён и разбивали младенцам головы о каменную стену арсенала. У морячков были гладкие сытые лица. Всю Великую войну они просидели на берегу, выйдя в море два раза за три года. И жрали при этом богатый флотский паёк – не чета той мороженой капусте, которой мы спасались зимой в окопах под Ригой.

Настрадались, болезные, чего уж там.

Отец Василий и его соратники были уверены, что на юдоль слёз Русь загнали монгольские баскаки; в кровавом конце моей страны виновны не большевики – они лишь орудие Истории, её финальные бесы. Достаточно упразднить иго, вычеркнуть Золотую Орду – и всё повернётся по-другому. Это – невероятно трудная миссия, но в ней помогут тайные знания Игроющих Временем – древнего Ордена, умеющего проникать в прошлое и менять его. Давным-давно всемогущая организация Защитников Времени «хроналексов» разгромила Орден, но какие-то записи сохранились в заброшенных монастырях Центральной Азии. Их искали Пржевальский и Семёнов, прозванный позже Тянь-Шанским. А повезло Рериху.

Однако следует быть осторожными – Защитники Времени бдительны и неистребимы.

Мне кажется: всё вокруг – плод бреда. Я теперь не всегда различаю, что со мной было на самом деле, а что привиделось в холерном бараке или после зубодробительной порции кокаина, которым меня угощал поэт-футурист Грицевец.

А может, меня уже давно нет. Я остался там, в Галиции, разорванный «чемоданом» из австрийского чудовища калибром двадцать восемь сантиметров. Давно съеденный червями, я пророс лопухом сквозь жирную карпатскую землю, меня слопала добродушная корова с лиловыми глазами.

И я сейчас лежу на пыльной дороге зелёной дымящейся лепёшкой, кокетливо подманивая мух и воробышек.

А остальное – галлюцинация. Этот пьяный немец-калека, кричащий что-то про один народ и одного возжя; отец Василий со своей мечтой развернуть дышло истории; доктор Думкопф, одержимый желанием вылечить несчастного русского иммигранта с выгоревшей душой и скишими мозгами.

И «хроналекс» с пылающими чёрным огнём глазами, сжимающий страшное оружие, сделанное из человеческой кости...

* * *

Хан, прищурившись, смотрел на наглого русича, слугу этого выскочки Тугорбека, и гадал: нет ли тут подвоха? Проигрыш Надира будет ударом и по самолюбию, и по уважению степной вольницы к Котяну.

Окинул взглядом мощный торс персиянина, успокоился. Вернулся на своё место под балдахином и махнул платком:

– Начинайте!

Толпа тянула подбородки, замерев от предвкушения невиданной схватки. Но... Ничего не происходило!

Русич чуть согнул ноги в коленях, однако не спешил бросаться на соперника. Пританцовывая, перебирал ногами, обходя по кругу перса, будто примеряясь – где у этой волосатой горы уязвимое место.

Надир вращался вокруг оси вслед за русичем. «Словно модель из класса астрономии: планета Земля и Луна вокруг неё бегает», – подумал Дмитрий и рассмеялся.

Персиянин вздрогнул и сделал шаг навстречу, вытянув короткие руки, – Ярилов легко увернулся от захвата, продолжая свой танец. Надир, распаляясь, начал гоняться по площадке за рыжим русичем, но каждый раз хватал пустой воздух под хохот зрителей.

Котян недовольно заметил:

– Если боишься – зачем было выходить на гилам? Не хочешь бороться – объявлю тебе поражение.

Дмитрий, наконец, позволил персу обхватить себя мохнатыми лапищами. Надир выпучил бычьи глаза, верёвками вздулись вены... Костяк русича затрещал так, что толпа ахнула. Боец Котяна рыкнул, приподнял наглеца – и бросил за пределы гилама.

Русич ловко извернулся в воздухе, надёжно приземлился на обе ноги – и замер на самой границе круга!

Зрители выдохнули – кто разочарованно, кто облегчённо. Вернувшийся от телеги с пивом Хорь закричал подбадривающе:

– Держись, десантник! Держи дыхалку!

Русич улыбнулся и приглашающе кивнул сопернику. Перс заревел и снова бросился на Дмитрия. Опять, пытаясь, схватился за пояс – на этот раз русич, напрягая сильные руки, не давал Надиру зафиксировать хват. Разъярённый соперник вцепился редкими зубами в плечо Дмитрия, прокусил кожу – потекла тёмная кровь.

Ярилов изумлённо посмотрел на хана, ожидая немедленной остановки схватки. Котян равнодушно заметил:

– Правила запрещают подножки и удары руками и ногами, а про зубы там ничего не сказано.

Дмитрий зло ухмыльнулся, откинул голову и врезал лбом в центр широкого, как блин, лица соперника. Ещё раз. И ещё.

Перс отпустил хват. Подвывая, схватился за проломленный нос, рухнул на колени.

Беснующиеся зрители заголосили. Котян вскочил, выбежал в круг, замахал руками:

– Нет! Не считается, так нельзя! Боритесь дальше.

В толпе раздалась крики оскорблённых несправедливым решением, кто-то рванулся в сторону хана:

– Ты сам сказал, Котян, что нельзя бить ногами и руками, а про удар головой слова не было!

Котян скрылся под балдахином, его охранники начали древками копий загонять болельщиков обратно в толпу. Наконец, порядок был наведён. Перс продолжал стоять на коленях и выть, размазывая юшку по разбитому лицу.

Хан крикнул:

– Надир! Сражайся, сын осла и обезьяны! – и что-то добавил на фарси.

Персиянин с трудом поднялся. Вытянул руки и двинулся, пошатываясь, к Дмитрию. Кровь заливала ему глаза, мешая смотреть. Русич подождал, пока соперник подойдёт ближе, и спокойно повернулся боком, пропуская. Надир сделал последний шаг, переступил через верёвку и рухнул под ноги разъярённого хана.

Шум поднялся такой, что золотой конь всхрапнул от испуга и попятился, таща за собой висящих на поводке конюхов.

Котяну ничего не оставалось, как объявить победителем русича. Восхищённые зрители подбежали, хлопали по мокрой от пота спине, поздравляли – и в первых рядах Азамат, Хорь и франк. Счастливый Дмитрий подошёл к соловому жеребцу. Вытащил из кармана вялое прошлогоднее яблоко, протянул на дрожащей после схватки ладони.

Конь раздул розовые ноздри. Взял мягкими губами и захрустел, гремя уздечкой.

Ярилов гладил жеребца по шее, перебирал окровавленными пальцами золотую гриву и шептал:

– Кояш... Ты мой солнечный.

Гомон толпы за спиной разрезал крик рыцаря:

– Дмитрий, сзади!

Ярилов развернулся и успел разглядеть занесённое для удара серое остриё.

Сверкнул узкий клинок – Анри Де ля Тур рубанул по руке невысокого человека с горящими чёрными глазами. Кисть, сжимающая странное оружие, упала в грязь. Подоспевший Хорь ударил незнакомца засапожным ножом в поясницу. Чужеземец в сером плаще поражённо смотрел, как хлещет ярко-алая кровь из обрубка. Стражники схватили нападавшего, потащили прочь.

Дмитрий с удивлением поглядел на неглубокую царапину, пересекающую татуировку на груди – атакующую кобру на фоне пылающего солнечного диска.

И потерял сознание.

* * *

Койки стояли в коридоре вдоль стен – палаты переполнены. Да и бесплатно в палату не положат.

Пахло хлоркой, гноем и бедой.

Димка Ярилов, студент первого курса, сидел на краешке серой простыни с больничным клеймом и смотрел на дедушку. Жёлтая кожа мятым пергаментом обтянула лицо, дыхание слабое и неровное, как огонёк тонкой церковной свечки на сквозняке.

– Ноги подбери! Расселся.

Мимо прокатилась колобком низкая толстая санитарка в неряшливом халате, неся в руках по облупленному судну. Моча плескалась через край и добавляла миазмов.

Дедушка заскулил и открыл глаза – непривычно мутные, сочащиеся болью. Прохрипел:

– Дмитрий, зачем ты здесь? Тебе надо в университет, на занятия.

Ярилов погладил по бессильной руке с исчезающими синими венами.

– Не волнуйся, дедушка, успею. Я договорился с врачом, привезут лекарства из Швейцарии. Только очень дорого. Но доктор – сама любезность, обещал всё устроить. Документы на продажу квартиры оформить, и нотариуса даже за свой счёт...

Дедушка приподнялся, заскрипел изменившимся, надтреснутым голосом:

– О господи! Дмитрий, ты лишился остатков разума? Зачем квартиру, ведь ничто уже... Где ты будешь жить?

– Не «ты», а «мы». Когда выздоровеешь, переедем в комнату в коммуналке, доктор помог.

Дедушка бессильно откинулся на тощую подушку в бурых пятнах:

– Истинно, неразумное дитя навредит себе больше, чем чума и война. Библиотека... Там, за энциклопедией Брокгауза, спрятана коричневая папка. С рисунком атакующей кобры на обложке. Дневники твоего прадеда, штабс-капитана Ярилова. Обязательно... Кхе-кхе-кхе...

Кашель бил высохшее тело, струйка крови скользнула на подбородок. Дмитрий рванулся на пост, но там никого не было, лишь надрывался телефон. Толстая санитарка подошла, переваливаясь уткой. Неожиданно нежно прошептала:

– Димушка, любимый, очнись.

* * *

– Родной мой, солнышко моё рыжее, очнись.

Пылинки плясали в ярком луче, проникшем через откинутый полог кибитки. От кошмы пахло полынью и конским потом.

Юлдуз нагнулась, звеня серёжками, поцеловала ароматными губами. Помогла приподняться, подала чашку с водой. Глотал жадно, струйки скользили по подбородку.

– Как ты нас всех напугал. Неделю в бреду! Слова странные говорил; «сессия, онкология». Хорошо, Котян лучшего шамана прислал. Ты уже охотился на Млечном Пути, еле вернули тебя.

– Кхе-кхе, – слышался деликатный кашель, а затем голос Анри, – можем ли мы войти, Дмитрий?

Юлдуз залилась румянцем, чмокнула русича в щёку и выскочила из палатки, едва увернувшись, чтобы не столкнуться с входящими.

– Ну что, очухался? – балагурил бродник. – Хватит уж валяться, ладно бы рана какая – а то тьфу, царапина. Персиянина заборол, а из-за такой малости раскис.

Азамат улыбался и согласно кивал.

– Не скажи, брат Хорь, – покачал головой рыцарь, – острие явно было отравлено либо являлось колдовским оружием. Недаром же присланный ханом маг так старался эти дни, чтобы вернуть нашего друга с половины пути туда, откуда лишь Орфей сумел прийти назад, как утверждали древнегреческие язычники.

Франк развернул тряпицу и показал Ярилову странный дрот: косо заострённую кость длиной в локоть или меньше. Сквозь бурые пятна засохшей крови проглядывали незнакомые письмена.

– Осторожно! Не трогайте его руками, брат Дмитрий, от греха подальше. Сегодня разобью его в прах и сожгу на костре. Я слышал о подобном оружии, хотя и не верю этим сказкам. Якобы его в особых случаях применяют чародеи, известные как «Хранители Времени». Правда, в персидском манускрипте, который я читал, сказано, будто с помощью него выгоняют обратно пришельцев из чужих времён. Поистине, странные люди эти магометане. Накурятся гашиша и выдумывают бог знает что. Хотя в той рукописи сказано, что так называемые «Хранители Времени» существовали задолго до появления магометанского пророка, но лишь с помощью сарацинских халифов смогли стать действительно могущественными.

– Да! – подхватил Хорь. – Шаман тоже как сам не свой, нёс околесицу, что ты не принадлежишь нашему времени, и потому так трудно спасти тебя. Мол, если бы дрот не оцарапал только, а вонзился как следует – пропал бы совсем. Колдун точно грибов объелся, что из северных лесов тайно привозят.

Дмитрий внимательно посмотрел на товарищей. Вздыхнул. Мало того что попал в суровые времена не по своей воле, так и здесь неизвестные враги за ним охотятся, как за чужаком. Подумал: «Без помощников всё равно не обойтись». Сел на кошму, пригласил жестом:

– Располагайтесь, друзья. У меня к вам очень серьёзный разговор. Скажи мне, Анри, твой знаменитый Орден Храма считает ли своей целью установление справедливости на земле?

– Очень верно сказано! – обрадовался тамплиер. – Конечно, я мог бы сейчас привести все заветы и правила, перечисленные в статьях нашего устава, коих пять сотен и более. Или назвать главную официальную миссию Ордена – защита паломников в пути и на Святой Земле. Но на самом деле некоторые из нас хотят добиться настоящей справедливости для всех людей, невзирая даже на веру и подданство. Вам, мои братья, я могу открыть тайну: мы стремимся, во-первых, установить мир и прекратить войны; во-вторых, создать единое для всех государство с общими законами без различия сословий, а лучше – упразднить сословия вовсе. Также наши учёные братья ищут философский камень, дабы сделать всех богатыми и бессмертными, и...

Хорь и Азамат слушали эту тираду раскрыв рты, и их глаза затягивало поволокой.

– Спасибо, Анри, я тебя понял, – перебил Дмитрий, – ты обязательно продолжишь свой увлекательный рассказ. В следующий раз. Сейчас, я боюсь, наши славные степняки могут заснуть и пропустят самое главное. Теперь скажи ты, Хорь. Ты за справедливость и счастье своих соотечественников, которые ещё не родились, но обязательно родятся в будущем? Хотел бы ты для них мирной, богатой и счастливой жизни?

Хорь распрямил широкие плечи и гордо сказал:

– Хоть вы и называете нас разбойниками, но нет более радеющих за справедливость людей, чем бродники!

– А ты что скажешь, Азамат?

Половец пожал плечами:

– Язык воина – не распущенные волосы гулящей девки, чтобы болтаться на ветру без всякого толку. Чего нужно делать, брат? Чем тебе помочь?

– Очень хорошо, – выдохнул Дмитрий с облегчением, – а теперь скажите: можете ли вы представить себе путешествие во времени? Чтобы жить в одном году и оказаться внезапно в другом?

Франк возбуждённо хлопнул ладонью по кошме и закричал:

– Брат Дмитрий, я не рассказывал вам всего про персидский манускрипт! Там сказано про путников, играющих со временем, как...

– Да погоди ты, – перебил его Хорь, – сейчас опять начнёшь в дрёму вгонять своими заумными речами. Я так скажу – сам сколько раз по этому самому времени путешествовал. Бывало, напьёшься в понедельник – глядь, уже и четверг!

Дмитрий улыбнулся. Затем поднял руку, прося тишины:

– Так вот, братья. Я родился... то есть ещё не родился. Словом, через семьсот семьдесят лет в городе, которого ещё нет...

* * *

Бадр очнулся на куче прелой соломы, открыл глаза. Солнечные лучи пробивались сквозь щелястые доски сарая, напоминая о ранней весне.

Рука саднила, пульсировала болью. Ноги не слушались – видимо, удар ножом в поясницу повредил позвоночник. Бадр с трудом сел, развернул грязную тряпицу, которой был замотан обрубок. Кыпчаки оказались не столь уж дикими варварами и умели обращаться с подобными ранами – шаман Котяна по имени Сихер ловко наложил жгут и прижёг раскалённым железом остаток руки. Выглядел этот степной чародей очень странно, одетый в чудовищно грязный балахон с нашитыми на него мышинными скелетиками, птичьими крыльями и прочей дрянью.

Хроналекса разместили в сарае и приставили охрану. Кыпчакский волхв приходил каждый день, осматривал рану, смазывал её какой-то вонючей гадостью. Видимо, недостаточно вонючей – обрубок выглядел неважно, почернел и издавал неприятный запах.

Бадр дотянулся до треснувшего горшка, глотнул затхлой воды. Услышал неторопливые шаги, голос охранника. Проскрипел деревянный засов, открылась дверь – вошёл шаман. Как обычно, не поздоровался, молча схватил искалеченную руку, начал разглядывать. Бадр застыл:

– Полегче!

Сихер покачал головой, поцокал языком:

– Плохо. Желчь чёрного барана не помогла. Теперь помрёшь, пожалуй.

Сарацин скривился:

– Спасибо за добрые слова, кыпчак. Твои навыки лекаря так же далёки от мудрости великого врача Ибн-Сины, как этот сарай – от багдадского дворца.

Шаман сплюнул на земляной пол:

– Я не стал бы тратить и минуты своего времени, если бы не приказ хана. Он велел спасти тебя от смерти, нужен ты ему зачем-то. Но рана начала гнить, вряд ли протянешь ещё три дня. Умрёшь от антонова огня, воняя, как яма с требухой. А ходить точно никогда уже не сможешь. Пойду, скажу Котяну, что не получилось у меня.

– Подожди! – Бадр схватил шамана за балахон и тут же отдернул руку, уколовшись о какую-то косточку. – Вели кому-нибудь забрать из харчевни Юды мой палисандровый сундучок. Там есть нужные мне лекарства. А я за это награжу тебя серебром.

Шаман усмехнулся:

– А серебро лежит в том самом сундучке? Дурак ты, сарацин. Зачем мне отдавать его тебе, если я сам возьму и обещанную награду, да ещё и предмет из драгоценного дерева! Спасибо, пойду к жиловину. Желая тебе поскорее потерять сознание, чтобы не очень мучиться перед смертью.

Сихер пошагал к двери. Бадр приподнялся, умоляя:

– Погоди, язычник! Я – хроналекс, Защитник Времени, и владею многими тайными знаниями. Я поделюсь ими с тобой, ты станешь самым сильным шаманом в Дешт-и-Кипчак!

Сихер хмыкнул, снова сплюнул себе под ноги. Хлопнула дверь.

Бадр откинулся на солому и застонал от бессильного отчаяния.

* * *

Друзья слушали Дмитрия внимательно, не перебивали. Наконец, он закончил долгий рассказ, жадно допил воду из чашки, смачивая уставшее горло.

Первым заговорил Азамат:

– Твои речи – как сказка, которую рассказывают малым детям. Но в мире происходит много загадочных вещей, а я привык верить человеку, с которым вместе сражался. Значит, эти монголы действительно очень сильны и захватят всю кыпчакскую степь? А что будет с моим народом?

– Твой народ исчезнет, друг. Кто-то бежит в чужие земли, кто-то покорится врагам и постепенно забудет своих предков и славную историю.

Половец нахмурился и замолчал. Слово взял Хорь:

– Я не понял, Дмитрий, про какую такую будущую русскую державу ты говорил? Нет такой державы. Есть черниговцы, киевляне, жители Галича – они лишь говорят на одном языке, но постоянно воюют друг с другом. Жгут города и церкви, убивают монахов. Вон, Азамат рассказывал, как его отец погулял в Киеве. Так не сами половцы это придумали! Их пригласил напасть на вашу столицу князь из русичей, а не мадьяр или лях. Сам князь говорил, когда иконы жгли: мол, в смоленской земле свои православные святые, и киевские небесные угодники им без надобности.

Дмитрий терпеливо ответил броднику:

– Были времена, когда Русь была единой, и будут такие времена. Но если не дать отпор пришельцам сейчас – лучшие воины погибнут, а потом, через несколько лет, враги вернутся с гораздо большим войском. Наши земли будут разорены. И твой народ тоже исчезнет в этом огне, Хорь. Никто не вспомнит о бродниках всего лишь через тридцать лет.

Ярилов решил, что ради доброго дела можно слегка исказить истину, и обратился к Анри:

– Теперь о вас, франк. Кочевники доберутся до Атлантики, пройдут с огнём и мечом всю Европу. Мы должны спасти свои народы от гибели, братья. Хотя бы попробовать. И первый шаг – это попытаться изменить исход будущей битвы на Калке.

Тамплиер покачал головой:

– Что могут сделать всего четыре бойца, даже такие доблестные, как вы, мои друзья?

– Мы должны уговорить Тугорбека наконец решиться и ехать к Мстиславу Киевскому, договариваться о союзе. А там я попробую убедить князя принимать верные решения. Для начала – не убивать монгольских посланников, тогда и несчастной битвы на Калке не произойдёт. Воины Чингисхана уйдут в свои степи и, возможно, больше не вернутся. А если всё же сражение состоится – его можно выиграть, если Мстислав Романович не даст воли младшим князьям, а будет руководить крепкой рукой. Пока я не знаю, как это сделать и почему вдруг киевский князь меня послушает. Но если ничего не предпринять, страшная беда станет неизбежной. Так что, друзья, идём к Тугорбеку вместе? Ты с нами, рыцарь? Ты ведь собирался в Киев по поручению магистра своего ордена?

Хорь рассмеялся, хлопнул себя по портам:

– Дмитрий же ничего не знает!

Анри кивнул:

– Да, наш друг многое пропустил, пока был в беспамятстве. Барон Тугорбек очень любезен и соблаговолил пригласить меня принять участие в посольстве к русскому дюку.

И только Азамат объяснил толком:

– Вернулся гонец, которого бек посылал к князю в Киев. Мстислав Романович ждёт нас. Вчера из Чатыйского куреня приехали вызванные багатуры. Мы готовы отправляться, и только твоя болезнь была препятствием.

– Так вы мне поможете? – скрывая волнение, спросил Дмитрий.

– Да куда ты без нас, найдёныш, – рассмеялся Хорь, – я же сразу сказал: блаженный ты, нездешний.

– Никогда благородный рыцарь не избегнет возможности поучаствовать в славном деле, – важно наклонил голову в знак согласия Анри, – тем более – в деле спасения человечества!

Азамат ничего не сказал. Закатал левый рукав кафтана, вытащил из-за пояса кинжал. Царапнул остриём по запястью – потекла тёмная, тягучая кровь.

– Точно! Кровные братья – навек! – крикнул Хорь и потянул из-за голенища засапожный нож.

Бритоголовый половецкий багатур, чёрноволокный французский тамплиер, светло-русый разбойник-бродник вскочили, помогли подняться на ноги рыжему русичу из будущего.

Их кровь, соединившись, единым ручейком пролилась в кыпчакскую землю.

Разрушая торжественность момента, в палатку просунул голову племянник бека и сказал:

– Тугорбек к себе зовёт. Пошли.

* * *

Бек обрадовался выздоровлению русича и велел всем собираться в путь, назначив выезд в Киев через три дня.

Дмитрий не узнал стойбища: оно увеличилось втрое, вокруг сновали незнакомые степняки. Тугорбек вызвал из куреня двух кошевых с полусотней всадников, чтобы посольство к Мстиславу Киевскому выглядело солиднее.

Русич подошёл к лошадям, разыскивая свою награду за поединок с персидским борцом. Золотого жеребца нигде не было видно, и сердце Дмитрия сжалось в недобром предчувствии. Харлей дыхнул Ярилову в лицо, ткнулся в плечо, намекая: мол, соскучился по тебе, хозяин, нет ли какого лакомства?

Дмитрий гладил мерина и оглядывался по сторонам: кого бы спросить? Это заметил знакомый конюх, подбежал, поклонился:

– Приветствую тебя, Солнечный Багатур, победитель могучего Надира! По приказу бека я ухаживал за твоим чудесным конём, выгуливал и поил его, и с ним всё хорошо, спасибо небесному отцу Тенгри.

Дмитрий несказанно обрадовался и пошёл вслед за слугой, без умолку восхищавшегося Кояшем. Соловый красавец, заботливо укрытый попоной, стоял вместе с любимыми скакунами бека в наскоро возведённой конюшне.

– Тугорбек велел давать ему лучший ячмень и следить, как за драгоценностью! Я не смыкал глаз, оберегая коня.

Конюх замолчал, явно чего-то ожидая. Дмитрий сообразил, сунул парню серебряный дирхем и поблагодарил. Подошёл к Кояшу, любясь. Прошептал:

– Нас ждёт трудный путь, друг. Но мы ведь справимся, верно?

Конь хрумкал сеном и кивал, соглашаясь.

* * *

Ночи ещё были холодными, и стражники жались к костру, неохотно отвлекаясь на обход вокруг шатров обширной ставки Котяна. Да и послушать историю всем хотелось.

– Тут и недалеко совсем, три часа верхами, – объяснял вернувшийся из дозора багатур, нервно кутаясь в старую шубу, – глядь – они! Я этих поганых собак сразу признал, запомнил ещё с задонской битвы. Лошадёнки ниже наших, гривы с хвостами им не стригут, так лохматыми и ходят. Пятеро конных их было, а нас – дюжина. Старшой обрадовался: мол, сейчас

живыми поймает, хану привезём – награду получим. Мы и поскакали. А лошадки иховы, хоть невелики, а шустрые! Да ещё всадники отстреливались, ловко так – развернувшись в седле. Ну, и мы по ним из луков, да старшой прикрикнул – мол, хватит стрелы зря тратить, всё равно на скаку попасть трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.